Константин Рубинский

Дневник колумниста

Челябинск,
Цицеро
2008

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Р82

Р82 **Рубинский К.С.**
Дневник колумниста. — Челябинск : Цицеро, 2008. — 138 с.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

Около четырёх лет я работаю колумнистом в интернет-изданиях Челябинска.

Колумнистика — жанр своеобычный. Он разрешает автору делиться не только субъективным мнением, но даже и настроением, используя «сухие» факты, как предлог. Более того. Здесь позволительно вовсе не использовать фактов. Достаточно направить на читателя ту или иную эмоциональную волну, создать атмосферу, тональность. Этим колумнистика ближе всего к поэзии; а из прозаических жанров — к дневниковым записям.

Когда А. Е. Попов предложил мне написать и издать дневник, я сперва засомневался. Сочетание «публичный дневник» всегда казалось мне оксюмороном, псевдооткровенностью, изготовленной отчасти на потребу читателю. Но потом я вспомнил о колонках, которые веду в СМИ. По сути, эти колонки и есть мой «профессиональный» дневник: разрозненные наблюдения, переживания, размышления и живые отзывы на происходящее вокруг.

Можно принять эту книжку за своеобразный плод иллюзий автора. Мол, я убеждаю себя, что сочиняю не однодневные газетные колонки, а нечто, претендующее на более интимный и долгоиграющий жанр. Но мне всё равно, где быть искренним — в стихотворении, колонке или дневниковой записи. В этом смысле, дневником является всё, что мы пишем — критерием тут может быть лишь степень внутренней неподдельности.

Выражаю большую признательность Александру Евгеньевичу Попову, а также Роману Грибанову, Светлане Симаковой, своим коллегам из Интернет-изданий «74.ru» и «Polit74.ru», многочисленным читателям и участников сетевых форумов за понимание и поддержку.

15.09.04

Сдали мне в новом учебном году дети тетрадочки на первую проверку, положил я стопку перед собой и обомлел: с обложек такие персонажи глядят!

Ладно, если обложку украшает какой-нибудь Гарри Поттер. Пусть машет волшебной палочкой, чтобы хозяин тетрадки хорошо учился. Но овладеть каким предметом поможет группа «Виагра»? Снятая, кстати, в следующих позах: две девахи стоят, а третья страстно обхватила обнажённую ногу одной из них и чуть ли не облизывает.

Я понимаю: авторы обложек милосердно скрашивают отрокам скучные занятия. Учитель бубнит своё, а дети обложечку разглядывают, мысли далеко, гормоны бьют фонтаном. Мы им про Таню Ларину, а они себе — про Тату в маечках до пупка. Письмо Онегину: «Я сошла с ума...»

Нет, можно, конечно, приспособить сюжет каждой обложки к учебному процессу. Хотя бы формально. Вот, например, на одной тетрадке изображены перси, перехваченные условной полоской мини-бикини. Прямая, проходящая через две нешуточные плоскости. Тетрадь, значит, по геометрии. Берём следующую: Наталья Орейро сидит за рулём открытой машины, уже и зажигание, небось, включила, а какой-то красавец снаружи перегнулся через дверцу и на прощание слился с ней в жгучем поцелуе. Налицо небезопасная для здоровья ситуа-

ция: вдруг дива от экстаза на газ даванёт? В качестве отрицательного примера на тетрадку по ОБЖ потянет. А вот обложка школьного дневника. То ли мутанты-убийцы, то ли какие-то инопланетные головорезы с базуками и при гранатах. И обращение (видимо, к учителю): «Не ставь пару — убьёт!» Тоже очень полезная штуковина. Какая-нибудь старушка-химичка, царствие ей небесное, наклонится над таким дневником заслуженную двойку поставить, прищурится близоруко на обложку — и всё. Можно чумовоз вызывать.

Надо ли останавливать этот конвейер? Некоторые говорят: да ладно, зачем бучу поднимать, всё равно они это по телевизору увидят. Верно. Тогда делаю рацпредложение: учебники тоже выпустить соответствующие — пусть их напишут кумиры отпрысков. «Русский язык», скажем, можно поручить «Шнуру» из группы «Ленинград», он справится с блеском. «Обществознание» и всё, что связано с законом и правом — героям «Бригады». А уж «Анатомию и физиологию человека» поручить авторскому коллективу «Виагры». Чтиво получится — парточки оближешь.

13.04.05

Еду в автобусе в Екатеринбург. На соседнем кресле — мальчик лет восьми в понтовой кепке. Родители сзади. Сидит, в окно смотрит через моё пузо. Думаю, пущу его к окну.

— Хочешь к окошку? — спрашиваю.

Смотрит на меня, мотает головой. Ладно. Едем далее. Он на меня так вопросительно поглядывает. Я не выдерживаю:

— Может, всё-таки к окошку хочешь?

Мотает головой почти испуганно.

Уже подъезжаем к Екатеринбургу, собираемся выходить — и тут пацан, наконец, отваживается на вопрос:

— А что такое КАКОШКА?

Всю дорогу мучился.

18.04.05

Существует разновидность мам и пап, мечтающих сделать их своего ребёнка гения. Подобные родители обычно твёрдо знают, что гений — это искра Божья, что такая искра в их чаде есть, и что её нужно непременно раздуть до размеров приличного пожара. Ребёнка при этом не спрашивают, хочет он быть вундеркиндом или не хочет.

Вчера снова встретился с такой семьёй. Ребёнок бледненький, маленький замученный; родители — фанаты с горящими глазами, желающие, чтобы он участвовал во всех конкурсах, фестивалях, соревнованиях.

После встречи с ними захотелось написать несколько вредных советов — для тех, кто забывает о ребёнке в стремлении сделать его самым гениальным и лучшим. Вот они.

Ахайте от каждого ика и пука вашего дитяти с самых его пелёнок. Несомненно, икает он по-выдающемуся, а пукает донельзя музыкально. Когда ребятёнок начнёт произносить членораздельные звуки и слова, записывайте их в отдельную тетрадочку — вдруг это уже стихи? Первый сознательный рисунок ребёнка (что-то среднее между солнышком, глазом и грибом) следует отнести квалифицированному искусствоведу, чтобы он повесил его в рамке из красного дерева на выставке юных дарований. Помните: всё, что делает и говорит ваш ребёнок — это гениально. Он Моцарт. Нет, Пушкин. Нет, Путин. Ему уготовано колоссальное будущее, которого пока не может вместить даже ваша голова. Ни в коем случае не торопите ребёнка, когда он сидит на горшке больше двух часов. Он обдумывает свою гениальную шахматную партию или великую оперу, которую воплотит через пару десятков лет.

Когда юный гений немного подрастёт, срочно займите всё его свободное время. Помните: после семи лет уже поздно! (Японцы считают, что после трёх). Не упускайте понапрас-

ну ни одной минуты. Ребёнок должен быть записан в пятнадцать кружков, двадцать студий, восемнадцать секций и на пару-тройку частных курсов вдобавок. В свободное от всех этих радостей время, когда он пытается съесть бутерброд или лечь спать, читайте ему Гёте под звуки Гайдна, играйте Шопена под строки Шиллера или тычьте носом в Баха под краски Босха.

Чтобы он не зачах от такой потрясающей заботы, распишите весь его день с точностью до секунды. Гоняйте его между диетическим обедом и дианетическим полдником пять километров вокруг дворовой песочницы без права остановки. На ночь разучивайте с ним новые молитвы новейшего религиозного общества «Отходящие воды». Утром не забудьте почитать ему что-нибудь из Канта и Ницше. Не беда, если он ничего не поймёт: в этом возрасте всё записывается в подсознание. Уповайте на это, и да пребудет с вами скелет Макаренко.

Не беда, что в итоге у вашего ребёнка не будет ни одного мгновения в жизни, чтобы побыть ребёнком. Тщательно следите, чтобы на него не повлияла дурно улица: гении так впечатлительны! Оградите его от общения с нормальными детьми, которые гоняют по улицам на великах (это опасно), играют в футбол (это бессмысленно), жуют жвачку (это чудовищно). Не слушайте разговоры ваших знакомых, что ребёнок может вырасти абсолютно не приспособленным к жизни. Зато он проживёт жизнь гения! Лет до 14—15 никуда не отпускайте его одного, разве что мусор вынести, да и то приглядывайте за ним через окошко. В бинокль.

Запомните: способность вашего ребёнка написать ораторию, поэму, стать великим математиком, физиком или художником гораздо важнее его умения владеть элементарными жизненными навыками. Так что если он до сих пор не умеет забить гвоздь, приготовить пюре, пришить пуговицу,

дать сдачи обидчику — ерунда. В конце концов, на что ему тогда мама, папа, тётя, дядя, а также армия бабушек и дедушек по обеим родительским линиям?

Трудолюбие поощряйте. Палкой. Помните: отец запирал маленького Моцарта в тёмной комнате, чтобы тот играл на клавесине. Этот метод подходит решительно всем детям. Если ребёнок сопротивляется вашему плану сделать из него гения, подключайте ремень, угол и отмену сладостей. Никаких кино и зоопарков по выходным. Никаких вылазок на природу. Все гении в детстве были бледными, чахоточными, измученными непосильным трудом детишками. Это цена за их звёздное будущее. В конце концов, вы тоже жертвуете своим временем, силами и нервами. Пусть и ваше чадо пожертвует своим счастливым детством.

Заручитесь поддержкой сильных мира сего. Таскайте ребёнка по великим поэтам, скульпторам и музыкантам — пусть пишут одобрительные отзывы о его даровании. В будущем это позволит вашему ребёнку говорить: «Когда мне было три года, мама привела меня к Церетели, и Церетели уже тогда сказал, что во мне что-то есть, и погладил по головке тяжёлой мозолистой рукой».

Также не мешает регулярно водить чадо к экстрасенсам, чтобы они прочищали ему творческие чакры, сублимировали в нужных точках энергию инь-хунь-янь и снимали порчу многочисленных завистников.

Ребёнок должен привыкать к прикиду гения. Ну, очки на нём и так появятся после трёх лет ваших героических усилий. Плюс к этому он всегда должен носить дурацкий бархатный пиджачок, галстук-бабочку размером с половину его головы и накрахмаленный платок, торчащий из кармана ровно на 1/3. Объясните вашему ребёнку, что крики «ботаник», которыми его дружно встречает весь класс и двор, суть проявление великой зависти к его гениальности и научите отно-

ситься к этим выкрикам высокомерно и заносчиво. Вообще пусть не опускает носа ниже пятого этажа.

Помните: все удачи и победы ребёнка — потому, что это вы такой хороший родитель, а неудачи — потому, что это он такой недотёпа. Когда ребёнок превратится в подростка, исчезнут его трогательность и доверчивость, он станет конфликтным и особенно ранимым, постоянно напоминайте ему: всё хорошее в нём от вас, а всё плохое от его лени.

Не бойтесь реализовывать через ребёнка своё честолюбие. Он вам потом спасибо скажет. В конце концов, он ведь ваша личная принадлежность, и вы можете лепить из него всё, что захотите. Зачем ему своя жизнь — пускай живёт вашими мечтами, планами и замыслами. Когда вы окончательно удостоверитесь, что произвели на свет гения, можете помирать, облегчённо вздохнув. Скорее всего, он тоже вздохнёт облегчённо.

21.04.05

Всегда, когда на улице вижу молодую пару, которая страстно целуется, мне кажется, что они играют напоказ.

Ну, не верится в искренность этого прилюдного чувства, в такой пофигизм страсти.

Ощущение, будто они не уверены в своей любви. Изо всех сил лобзаются, чтобы окружающие как бы зафиксировали факт их любви и тем помогли утвердить его. «Видите? Мы любим друг друга! Видите, как нам всё равно? Видите, как круто мы целуемся? Это любовь! Любовь, говорят вам!»

А на деле — сплошной театр.

Любовное чувство интимно по своей природе, оно таится и старается не выказывать себя, чтобы не захлебнуться счастьем, не иссякнуть, не позволить другим опошлить его даже сторонним взглядом.

24.11.05

В детстве катался на чёртовом колесе в парке Гагарина, получал большой кайф от высоты и никак не мог понять одного: почему же оно именутся чёртовым? Вроде, наоборот, к небесам ближе — хотя бы на две минуты. Ветер овевает лицо, солнышко пригревает сильнее — никаких ассоциаций с врагом рода человеческого или его игрушками. И только однажды, сойдя с колеса, услышал внизу ворчанье тяжёлого, чёрного маховика, который, глухо ворочаясь, сообщал заветному колесу движение. Что-то в нём было от угрозы преисподней, какая-то мрачная, сермяжная сила, ценой которой приводилась в ход эта небесная радость с разноцветными сиденьицами. В тот момент, помню, я отчётливо понял: не всё, что приближает к небесам, от небес.

Повод вспомнить об этом наступил сегодня, когда, стоя перед Оперным театром, я вдруг понял, что архитектурный облик здания убит, что его просто больше нет. Над крышей с воздушной печальной арфисткой нависал мрачный колосс строящегося билдинга — очередная прихоть удовлетворить чью-то страсть высоты, только уже не таким невинным способом, как парковое чёртово колесо. Мрачная серая глыба придавила и раздавила фасад театра, отняв ощущение лёгкости и — одновременно — величавости. Не желая верить глазам, я перешёл к другому зданию — «Цыплятам табака», потом просто вышел на середину Кировки. Впечатление было ещё более убогое: над старинными кукольными домами улочки помпезно красовался огромный чужеродный зубище, заняв воздушный простор — точно пародия, насмешка над камерностью музейного челябинского Арбата.

Над Кировкой иронизировали много. Только ленивый эстет не бросил камень в свежепеределанную улочку — тут вам и эклектика, и не безупречные по вкусу и количеству скульптурки, и фонтан в стиле тоталитарного ампира ВДНХ,

и странное обилие банков и обувных магазинов. Кировке нельзя отказать в одном — по сути дела, единственном и неоспоримом, главном достоинстве: она получилась очень уютной. Да-да, этого у неё не забрать, и недаром многие мои знакомые любят гулять по ней в хмурые и холодные дни: камерный уют Кировки будто согревает. Камерность обеспечивается только невысокими старинными домами — отними их, и уют пропадёт без следа.

Небоскрёб, нависший над Кировкой, этой камерности не отнимает. Он делает ещё хуже: он её подчёркивает. Он на неё указывает. Он орёт: вот она, а вот, поглядите-ка, я, истинная высота.

У нас началась эпоха небоскрёбов. Появились первые ласточки, и теперь мы вправе поражаться их размерам и способности «изящно вписываться» в пейзаж, а их деловые владельцы честят нас за эстетский консерватизм и неспособность смотреть в перспективу. «Его ещё даже не достроили, — говорят мне. — Погоди, отзеркалят, покроют забавненькими лампочками, неоном, — впишется, как миленький». Я представляю — и содрогаюсь.

Раньше сильные мира сего мерились автомобилями и оружием — ныне пора меряться высотками. Вполне прозрачный символ. Конечно, так проще всего возвыситься. И зданию такому проще броситься в глаза, попирая всё вокруг.А в него проще аккуратно врезаться на самолёте, если учитывать заокеанский опыт. Впрочем, последний только подстегнёт нас к действиям. Там пускай рухнуло — а тут построим. Время России ставить колоссы. Уже не нищие, могём не хуже. Любуйся, мир.

25.11.05

И в продолжение вчерашнего. Каждое лето мне счастливится бывать в творческих командировках в Суздале — самом чудном, уютном городе Золотого Кольца. Это — единственный городок в России (и, по-моему, даже в мире), где официально запрещено строить любые здания выше двух этажей. Архитектурный облик Суздаля сохранён с древнейших времён, и, поскольку храмов в городе несметное множество, с каждой точки видны как минимум пять. Ничего, кроме золочёных шпилей и куполов, не заслоняет неба. Нигде не торчит своевольных «человейников», попыток теперешних бескрылых Икаров добраться до самого солнца. Если представить развёрнутый силуэт городка в виде кардиограммы, за отправную линию взяв поверхность земли, мы увидим, как неторопливо, спокойно, нежно бьётся его сердце. И, если выстроить по этому же принципу кардиограмму современного мегаполиса с нервными рывками высоток, устремлённых в поднебесье, думаю, это будет достойная иллюстрация, как лихорадочно, горделиво и неровно работает сердце нынешней цивилизации.

«Да у вас страх высоты», — ехидно скажет любитель гиперконструкций. И не будет вполне прав. Заповедь-то проста и древня, как мир: каждому сверчку свой шесток. Почему в Москве под билдинговую застройку отдаётся в основном специальное место — район «sity», а у нас они могут торчать, как грибы после дождя, где ни попадя? Почему, скажем, во Франкфурте, один берег Майна отдан под тихие музеи с зелёными бульварами и патриархальными лодочными клубами (просто старинная германская идиллия), а другой — полон взмывающих в небо ультрасовременных строений? Ведь и контраст, поражающий воображение, достигается в этом случае не архитектурным винегретом, а строгим разделением: два берега, две разных эпохи смотрят друг на друга через шумящую реку, будто символизирующую время. Какая тонкая и точная метафора, как верно выбрано под неё пространство!

…Когда в типовом спальном районе выходишь из типового дома в типовой двор и смотришь на типовую улицу, волей-неволей поднимаешь глаза к небушку: там плывут совсем не типовые облака, и зрачки успокаиваются, наблюдая за ними. В мегаполисе небо — единственная реалия, напоминающая нам пока, кто мы и на какой планете живём.

Кстати, никто не задумывался над этимологией слова «небоскрёб»? Неприятное ощущение таится в слове. Не «небомер», не «небострой», не «небостолп», а именно — скребущий по небу.

Глупо придираться к понятиям… Это же не может послужить аргументом в споре с поспешными строителями поспешных билдингов. Но я доверяю потайным смыслам, которые передают иные заезженные слова.

Впрямь ведь есть над чем поразмыслить.

02.04.06

В Челябе стартовала акция, организованная военным комиссариатом и одной из компаний, подключающих к сети Интернет. Все лица, имевшие и имеющие отношение к военной службе, могли подключиться к сети со скидкой в 25 процентов. Этим можно восхищаться только в стихах. Я и восхитился.

Горюя о недобранных солдатах —
Мол, призывник добром к нам не идёт, —
Мыслители из комиссариата
Придумали на днях блестящий ход:
Коль служишь ты или служил исправно,
Родимую не покидая часть,
Тебе подарок уготован славный:
Со скидкой к Интернету подклю-чайсь!

…Не зря держали мы заряд фугасный,
Не зря с портянкой мучились чуть свет, —
Всё это было, братцы, не напрасно:
Теперь у нас дешёвый Интернет!
Недаром были муки и тревоги,
Недаром избивали нас «деды» —
Зато теперь мы новых технологий
Пожнём вполне законные плоды!

Кусая губы, плачу возле входа
В военкомат, который обходил:
Пусти для блага края и народа!
Под пули кинь! В подлодку посади!
В горячую отправь немедля точку,
Два года заставляй перловку есть —
Но никакой поблажки и отсрочки,
Пока на подключенье скидка есть!

И если даже инвалидом стану,
Когда меня прибьёт по ходу «дед»,
Я Родине служить не перестану,
Пока мне обещают Интернет.
Добавьте все входящие бесплатно —
И я в строю шагаю, жизни рад…
Как мало нужно нашему солдату,
Чтоб дунуть со всех ног в военкомат —

Мобилу, флэшку, ноутбук со скидкой,
Второй бесплатно (плюс набор дискет),
Ещё, конечно, мощные кредиты
С рассрочками — как раз на пару лет,
И стимул есть в казарме за Отчизну
Пол драить, издевательства глотать,

Зато, придя назад, в сети зависнуть
Со скидочкой процентов в двадцать пять.

Никто теперь косить под «голубого»
Не станет, развлекая медсестру.
Все в армию пойдут — давить любого,
Кто посягнёт на милый домен «.ru»!
Теперь нам ведом долг святой солдата,
А также его красная цена.
Смотри: толпа бежит в военкоматы.
Пойдём, послужим. Скидка включена.

07.04.06

Позвонили из Москвы, из тележурнала «Фитиль»: стишок о скидке на Интернет понравился самому Игорю Угольникову. Хотят снимать сюжет, ехать в Челябинск. Солидный канал «Россия» предложил такие условия покупки стишка: либо 100 долларов, но моей фамилии в кадре не будет, либо мою фамилию напишут, но я отдам стишок... за бесплатно!

В жизни не получал таких заманчивых предложений! Всё размышляю, за кого Москва провинциалов держит — и что вообще о нас, юродивых, думает?

24.05.06

Автобус полон донельзя, час пик, конец рабочего дня, народ набился, как в шпротницу, все мрачные, ибо трезвые — неделя в разгаре. Зато водитель с чувством юмора — включил музыку в салонную колоночку, которая над сидением кондуктора, а в колоночке битлы поют: «Всё, что тебе нужно — любовь».

Кондукторши на месте нема, ходит по салону, разрывая плотные ряды пассажиров, самонаводящаяся торпеда лет сорока, плотная, мрачная — сил нет смотреть ей в глаза, сколько империй там рухнуло, сколько артефактов погребено, сколько крови выпито и добродетелей повержено. Есть такие женщины, особо воплощающие собой невыносимую трудность бытия. И я, не глядя на неё, протягиваю ей восемь рублей, конечно, чистыми, а то у неё сразу включится сигнализация: я-деньги-не-рожаю-где-тебе-сдачу-возьму-специально-крупную-заготовят-и-ездют-тут.

Обилечивает и отходит — молча и недовольно, всё в жизни не сложилось, в личной особенно, да и тело от жары потеет, — и ждёт, родная, к кому за это прицепиться, на ком отыграться. И цепляется: кто-то дал не без сдачи, кто-то пройти по салону ей не даёт, кто-то в толкучке никак не может деньги достать, кто-то на свою голову попросил остановку за бесплатно, бедолага, не понял, с кем связался. Это вам не интеллигентная Дюймовочка с тремя высшими образованиями, пришедшая в кондукторы из расформированной библиотеки — это Брюнхильда из древнеевропейского эпоса, великанша-богатырша, которая на скаку поимеет не только коня, но и «КамАЗ» с прицепом. И голос её — песнь сирены. Пожарной. И телеса её — куда там Арнольдику с Сильвестром. И решимость на челе написана страшная. Кто не по ней — порвёт и схавает.

Весь автобусный салон эту тётку, конечно, не очень любит. Но парировать и отвечать на её хамство не хочет — ибо, как уже было сказано: среда, конец рабочего дня, устали, трезвые. Но тут в салоне раздаётся ещё одна музыка, и все поворачивают друг к другу головы: у кого взыграл мобильный друг? Оказывается, взыграл у Брюнхильды. Я не знаю, можно ли кондуктору во время работы говорить по сотовому телефону. Но она берёт трубку и начинает разговор. И в процессе разговора голос её вдруг меняется на нежно-девичий. Пассажиры вытягивают шеи — что за чудеса, в кого там обращается эта дракониха, не в Василису ли? И наблюдают,

действительно, диво дивное: лицо Брюнхильды разглаживается, морщины пропадают, она молодеет на глазах, и улыбка появляется на челе.

— Да... Витя? Так ты в Челябинске, Витя? Ты заедешь? Неужели заедешь? И у меня... что? переночуешь?! И завтра? Ага... Ну давай... Давай... (с придыханием): жду... во сколько? Ага. Чего принести, чего принести! Себя принеси, ладно? Ага! Ага! Жду! Ну... пока...

Витя отсоединяется. Автобус взирает на кондукторшу. Что с ней? Она раскраснелась. Она легка, как пушинка. Она сейчас взлетит под крышу салона, вылетит в приоткрытый люк, понесётся над суетой Челябы. Её глаза сверкают. Она смотрит по сторонам с неземным восторгом, будто только что родилась на свет, и он ей пригрезился Эдемом.

— Уважаемые пассажиры, — говорит она, вне себя от счастья. — Передаём за проезд. Спасибо. Спасибо. Спасибо. А у вас, молодой человек? Спасибо!!! Следующая остановка — Алое Поле! Готовьтесь, пожалуйста, заранее.

И медленно, нежно, осторожно идёт по салону, пытаясь никому не наступать на ноги. О, она готовится заранее. Уж она-то готовится, только дождаться самого вечера!.. Судьба сложилась. Она излучает счастье тем же мощным потоком, которым до этого выпирали ненависть и недовольство.

Сердце, как хорошо на свете жить.

Я смотрю на её преображение и думаю: как мало нам надо. Как мало, чёрт возьми, надо всем нам. Почему же этого мало так мало?! Почему мы эту малость так не умеем? И кто нас научит? Ведь такая простая наука...

А в динамике над сиденьем кондуктора ливерпульцы весело и безбашенно продолжают твердить: «Тебе нужна лишь любовь, тебе нужна лишь любовь; любовь — это всё, что нужно тебе».

18.06.06

Весь учебный год ко мне заглядывал соседский парнишка — я ему «помогал с уроками». Беру в кавычки потому, что помощь моя ограничивалась скачиванием из Интернета рефератов на заданные темы. В таком реферате менялись фамилия, класс, номер учебного заведения, после чего он распечатывался на моём принтере, а затем относился Володей в школу. «Ты хоть его читаешь по дороге?» — раз осторожно спросил я. «А зачем? — искренне удивился он. — Это же реферат, по нему не спрашивают!» Попытка разговора на тему — хорошо ли обманывать учителей, также вызвала его недоумение: «Да ведь они знают, что мы из сети качаем! Это удобно и нам, и им — отметки-то за это хорошие ставят!»

Вчера сосед прибежал в возбуждении:

«Костя, скажи, ты ведь в сотовых шаришь? Скажи, что лучше брать на экзамен? Мне предлагают два смартфона и один обычный сотовый «Нокия», но там фотик стоит классный, можно с доски фотографировать и пересылать. Зато под «Ровер» специальные шпоры уже по устным экзаменам написаны, у него хороший хтмл-просмотр...»

Выяснилось, что в классе их почти никто не учит никаких билетов и практически не готовится к письменным экзаменам. Все усиленно покупают и одалживают хорошие телефоны. Мишка кричит о том, что телефон должен обладать диктофоном с большой памятью — надиктуешь туда ответы на все билеты, наушники спрячешь в рукаве, подопрёшь голову рукой, типа задумался, — и дело сделано. Олег убеждает, что в телефоне должна быть прежде всего электронная почта — с смс-сообщениями каши не сваришь, всего сто шестьдесят символов латиницей. А Лёха говорит, что надёжнее всего вопросы и задания фотографировать, потом пересылать папе, а тот уж даст краткие ответы... Но под это нужна

камера на два мегапиксела, не меньше, а не все телефоны таковой обладают.

Честно говоря, у меня глаза полезли куда повыше. Помню, мы тоже писали к экзаменам шпоры (которыми практически не пользовались — в процессе практически всё запоминалось). Но ведь писали-то старательно, штудируя серьёзно учебные пособия. И билеты при этом учили. Что мне теперь ответить этому школьнику?

«При нём, при нём», — вспоминаю классику Гайдая. Времена изменились настолько, что теперь о лафе, халяве и обмане можно говорить не шутя, обстоятельно споря о технически усовершенствованных «шпорах».

Что делать? Поставить во всех школах «глушилки», как это сделали в МГУ? Надо бы, да влетает, видать, в копеечку. Ощупывать школьников перед входом в класс, как на пропускном пункте в аэропорту, раздевая до трусов и носочков? Или всё-таки намекать детишкам, что обманывают они сами себя, вырастая неучами, причём неучами циничными, откровенными; что настанет время, когда — в жизни и работе, на практике — их не спасёт никакая шпаргалка, никакая самая технически навороченная фенька?

«Как сдал экзамен-то?» — спросил я у соседа неделю спустя. «Пятёрка, — весело ответил он. — «Всё-таки выбрали «Ровер». Но к поступлению в институт надо будет достать что-нибудь с хорошим фотиком».

Вот и об этом тоже мы делаем новый молодёжный спектакль с екатеринбургской Музкомедией.

24.07.06

Позавчера на лавочке в парке Пушкина я нашёл промокшую от дождя книжку. Она относилась к жанру иронического детектива. Я перелистывал страницы, пытаясь понять, забыли её или нарочно бросили на произвол судьбы, и вдруг

на титульном листе обнаружил короткую фразу, выведенную гелиевыми чернилами: «ЭТО БУККРОССИНГ».

В мировой паутине я выяснил, что столкнулся с целым движением. Может быть, о нём уже слышали и вы. На смену флэш-мобу и SWT пришла свежая фишка, в России больше известная под названием «книговорот». Прочитанную книгу следует намеренно забыть в многолюдном месте — ресторанчике, парке, троллейбусе — чтобы её нашёл кто-то другой. Таким образом, томик должен кочевать из рук в руки почти со скоростью денежной купюры, пока не рассыплется в прах от ветхости. Но передавать книгу следует, именно оставляя, «забывая» где-то, чтобы её обнаружил и прочитал случайный, лично с тобой не знакомый человек.

Трогательно, не правда ли? Момент нечаянной находки играет почти мистическую роль: книга ждала меня здесь, это не простое совпадение, значит, я должен её прочитать. Сам вид потрёпанного, прочитанного много раз томика приятно порадует иного гражданина, скучающего по старым добрым временам, когда книги затирали до дыр. Налицо вроде бы и факт некоей благотворительности: я оставляю книгу ближнему своему абсолютно, как говорила Сова, безд-возд-мезд-но, мне от него ничего взамен не надо, хотя я его даже не знаю.

И всё-таки мне стало грустно. Не только потому, что книжка явно тосковала под дождём. В наши времена и младенцев на произвол судьбы на лавочках оставляют, так что — слава Богу, что книгу, а не ребёнка и не котёнка. Но и сравнение это пришло в голову потому, что многие (и я в том числе) привыкли воспринимать книгу, как живое существо, друга, собеседника, учителя. Можно ли бросить друга на лавке под дождём на произвол судьбы?

Смотря какого. И в этом смысле — буккроссинг скорее грустная примета времени. Всё меньше и меньше видно книг, которые хочется, прочитав, бережно поставить на полку и

неоднократно возвращаться к ним. Сам термин «настольная книга» выветривается из жизни. Всё больше и больше выходит в свет таких изданий, которые можно, пролистав, оставить на лавке. По степени своей культурной ценности она не дороже газеты или листовки. На листовках раньше так и писали: «Прочти и передай другому».

Такая книга не греет душу, не сочувствует, не дарит прозрений, не оставляет сильных воспоминаний. Да, у неё красивая обложка, продуманная продвинутым дизайнером. Её и купили потому, что эта обложка «просилась в руки» (выражение книгоиздателей, соревнующихся в броскости внешнего вида своего продукта). Она развлекает, помогая убить время, и проглатывается, как фастфуд, на ходу, в транспорте, на работе, в обеденный перерыв. Конечно, такую книжку, прочитав, можно подвергнуть буккроссингу безо всякого сожаления — по принципу «кушайте, кушайте, всё равно выбрасывать».

Как заметил один остроумный литератор, мы живём в одноразовое время. Наряду с одноразовыми шприцами и пакетами мы узнали, что такое одноразовое кино, одноразовая музыка, даже одноразовые любовные отношения. Встретились, переспали и разбежались навсегда. Это ведь и есть буккроссинг. Быстрая еда, быстрое искусство, быстрые книги, быстрая любовь. Никто никому не успел стать близким и дорогим. Можно в любой момент оставить своё одноразовое в кафешке, трамвае или городском саду. Пользуйтесь, граждане, и снова потом оставляйте — для других.

Чёрт, какими избитыми сегодня кажутся прописные истины. Нельзя бросаться хлебом. Нельзя забывать близких людей. Нельзя предавать самое дорогое. Нельзя оставлять книги под проливным дождём.

27.08.06

Один мой приятель давно собирается купить себе цифровой фотоаппарат. Когда появляется новая, «навороченная» модель, он ждёт, чтобы она подешевела. Когда же она дешевеет, появляется ещё более крутая модель, и приятеля уже не прёт покупать прежнюю. Он начинает ждать, когда подешевеет свеженькая. Круг замыкается, фотики пролетают мимо с фантастической скоростью, люди и пейзажи, что он хочет фотографировать, меняются на глазах… Он подпал под действие того, что мы называем «прогрессом», и загипнотизирован самим очарованием процесса. Бесконечно жить будущим — вот оборотная сторона этого «колеса сансары», дурная для человеческой жизни, ибо жизнь, к сожалению, коротка. Люди античности жили в среднем по двадцать девять лет, они знали, что ждать нельзя — их жизнь была полнокровна и гармонична.

Мы идём по другому пути, потому что совершенствуемся не мы сами, а «условия жизни» вокруг. Ещё чуть-чуть подождать — и завтра выйдет новая модель. Ещё повременить — и послезавтра подешевеет то, это. Ещё капельку, буквально капельку — и мы сможем наладить жизнь куда круче. Там, за поворотом, скрывается «дивный новый мир». Нынешний мир нас не то чтобы не устраивает, просто мы знаем: впереди — лучше.

Покупаем квартиру и делаем в ней ремонт, делаем долго, основательно, выискивая недорогие и качественные стройматериалы. Мы — молодцы. Мы вкладываем в будущее, в своих детей. Ремонт затянулся, идёт год, два, три. И пусть «лучшее — враг хорошего», мы-то знаем, что достойны именно лучшего, потому расшибаемся в лепёшку. За окнами проплывают облака, наши дети вырастают, а мы всё никак не можем начать жить, потому что ремонтируем. Мы спутали саму жизнь с условиями жизни и рвёмся из упряжи вон,

чтобы обеспечить эти условия на достойном уровне. Мы забыли, что настоящий ремонт — явление перманентное, что его нельзя закончить, а можно только прервать. Жизнь проходит медленно, потом быстрей, потом уже бежит, льётся, утекает сквозь пальцы — и это необратимо.

Это ведь единственное, что необратимо.

Неумение жить здесь и сейчас — атавизм «светлого будущего» в нас. Когда-то будет лучше, чем нынче, поэтому сейчас мы проносимся мимо жизни. Мимо августовских деревьев и солнца, мимо последних тёплых дней. У нас есть цель. Неважно, что в контексте жизни эта цель ничтожна. Как сказал Фазиль Искандер, скорость движения к цели помогает забыть о незначительности самой цели. Некогда, некогда. А остановиться, замереть и прислушаться ещё успеем. Мы забыли, что самое главное в жизни происходит не в суете, а на остановках — в паузах, зазорах, просветах, передышках... «Правда только в качании веток на фоне неба» (Жюльен Грин). Вот эти ветки нам и не видны, да и не только они: всё вокруг смазалось на такой скорости.

Одна моя ученица почти случайно вывела формулу: «Счастье — это когда не думаешь о будущем». Будущее — туманно, прошлое — неизменно. «Есть только миг между прошлым и будущим». Если мы не умеем жить настоящим — мы просто не умеем жить.

...Скоро зима. А пока на улице — августовское солнце, прозрачное небо и тёплый воздух. Пойдём, пошатаемся?

16.09.06

Вот задумался — а всё-таки что в нашей стране больше всего объединяет народ? Какой фактор? Символ? Какая черта менталитета? Какая особенность, присущая всем, живущим на одной шестой? Что может сразу сделать приятелями друга степей калмыка и друга тундры якута? Пролетарии всех

стран разъединились, пора объединить хотя бы бывших пролетариев одной-единственной страны. Тоже, в общем-то, бывшей.

Думаю, а сам сижу в скверике Алого Поля на лавочке и пивко потягиваю. В мешке рядышком ещё одна непочатая бутылка, если вдруг первая с жизнью не примирит. После того, как бутылка опорожнена на треть, в скверике появляется бомж. Такой, надо сказать, бомж культурный. Одет неплохо. Пиджачишко потёртый. Даже что-то вроде шляпы. Только галстука не хватает и платка из кармана. В руках огромный мешок. В мешке что-то звякает, шуршит и перекатывается. Сначала он для деликатности проверяет урны вокруг, потом садится на краешек лавки и начинает смотреть на меня. То есть, ждать бутылки. И смотрит он без какого-либо энтузиазма или просто желания, а как раз с тем самым равнодушием, которое отбивает всякую охоту пить вообще.

Хочется скорее допить и отдать ему. Мы соревнуемся: он выжидает, мол, допивай скорее, а я тяну, как бы утверждая: хочу насладиться не спеша, и ты меня торопиться не вынудишь, извини.

Но тут появляется второй бомж. Этот взлохмачен, одет куда хуже и вообще за собой не следит. Никаких следов былой культуры в нём не осталось, в отличие от бомжа первого. И при приближении второго я чувствую взаимное презрение двух бомжей друг к другу. Первый бомж глядит исподлобья: вот, мол, до чего люди опускаются! А второй нахально поглядывает в ответ на первого: ишь, интеллигент, ещё шляпу нацепил! В общем, как сказал бы умный человек, налицо различный социальный статус двух этих людей, несмотря на их общую маргинальную принадлежность. Нигде, блин, нет равенства.

Но тут второй бомж начинает орать на первого. Реплики приводятся, разумеется, с цензурными купюрами.

— А ты чё это тут расселся? Это моя территория, моя лавка!

(Я вздрагиваю, потому что поначалу кажется, что он это мне).

Первый бомж отвечает:

— Ничего не твоя, это Васина лавка. Я её с Васей поделил.

— Какого поделил?! Всегда была моя! И эта бутылка моя, — он показывает на меня.

— Выкуси-ка, я первый пришёл!

Второй бомж садится по другую сторону от меня. И они начинаются жарко переругиваться, а я в это время между ними пытаюсь смаковать пиво. Меня для них как бы нет, потому что я особь из другого видеоряда. Я их не должен слышать, видеть и воспринимать.

Страсти накаляются, и, по мере того как моя бутылка пустеет, они с двух сторон придвигаются ко мне всё ближе, утверждая своё право на эту бутылку. И я уже даже слышу их скитальческие ароматы, что окончательно портит моё пивопрепровождение. Но дело этим не заканчивается.

— Я тебе сейчас покажу, чья это лавка! — вскакивает лохматый.

— Попробуй, я тебя на фрагменты порву, — отвечает культурный.

И они сцепляются! Начинается настоящая драка, поднимается пыль. Дерутся устало, тяжело, зато ругаются при этом весьма изобретательно, жаль, нельзя воспроизвести. Но удовольствия от этого я, само собой, не получаю. Я не жаждал «пива и зрелищ», просто хотел отдохнуть осенним вечерком в скверике. Кроме этого, чувствую некоторое неудобство, являясь первопричиной этого побоища.

Вынимаю из пакета вторую бутылку и открываю её. Раздаётся классический звук «пт-ссссссссс», как в рекламе. От

этого звука бомжи неожиданно замирают, как от трубы архангела. И медленно встают на ноги.

— Ребята, не ссорьтесь, — говорю я, — лучше нате.

Бомжи молча берут у меня вторую бутылку, садятся рядком на лавочку и начинают не спеша, а, самое главное, мирно прихлёбывать по очереди это пиво. Они молчат. Я тоже молчу. Картина полного умиротворения — как ни в чём не бывало. Бутылка переходит от лохматого к интеллигентному и обратно. Раздоры забыты. Тихий и безмятежный вечер.

Так что я, наверное, нашёл ответ на мучивший меня вопрос. Людей у нас в стране — всех без исключения классов и категорий — объединяет вот этот классический нежный звук. Все идеологии и культуры ничто в сравнении с ним. Только услышав его, народ затихает и забывает драки и вражду. Перестаёт делить территорию, принципы и даже бабло. И успокаивается — по крайней мере, на вечерок-другой.

Пт-сссссссссссс.

02.10.06

Сенсация в Берлине: невинную оперу Моцарта «Идоменей, царь Критский» едва не изъяли из репертуара Deutsche Oper. Жарко дебатировали, спорили, наконец, всё-таки решили вернуть — скрепя сердце. Что случилось? Оркестр, что ли, забастовал, не сел в яму, как у нас? Нет, всё гораздо сложнее: «Идоменей» повествует о восстании человечества против богов. В постановке берлинской оперы царь Крита Идоменей в эпилоге выходит на сцену с окровавленным мешком, из которого достаёт несколько отрубленных голов, в том числе, пророка Мухаммеда.

Дирекция оперы напряглась. Кто-то из сенаторов им шепнул: «Я так люблю вашу оперу, особенно смотреть на здание, когда проезжаю мимо на машине, так вот, не хочу, чтобы это здание в один прекрасный момент превратилось в дымящие-

ся развалины». Режиссёр встал в позу, заявил: ничего убирать не буду, мол, из Моцарта слова не выкинешь. Хотя Моцарт тут вроде ни при чём, он постановкой не занимался.

Призадумались, вспомнили случай с датскими карикатурами, недавний неосторожный выпад Папы в адрес ислама. Рисковать головами (и уже не в символически-театральном, а в прямом, чисто физическом смысле) никому не хотелось. Вот и начали грызть ногти. Потом осторожно проконсультировались у некоего лидера объединения турецких ассоциаций Германии, и он вроде как разрешил. Даже признал: «Искусство должно быть свободным».

Постановку вернули, но вот осадочек, что называется, остался. Поэтому решили активнее шуровать электронными искателями по сумочкам зрителей, усилить охрану театра, включая крышу, и на каждых трёх театралов в зале садить одного агента безопасности в штатском, чтобы внимательно рассматривал лица на предмёт потенциальной «шахидности». Гнев божий — вещь опасная.

А вот самое интересное: в мешке, который выволакивает на сцену повелитель Крита, отнюдь не одна голова Мухаммеда. Там есть ещё головы других богов — в частности, Посейдона, Будды и Иисуса Христа.

И что любопытно: боятся в Берлине — по умолчанию — гнева только одной «головы». А остальные совсем не опасны. Никаких дискуссий вокруг них нет. То есть, пожалуйста, пускай вытаскивают голову Иисуса: время крестовых походов прошло. А Будда, тот ведь сам когда-то говорил: «Встретишь Будду — убей Будду». Что касается Посейдона, так это, господа, и вовсе смешно. Посейдон нынче — название одноимённого фильма-катастрофы, и ничего более.

А вот бояться и уважать (что в наше суперлиберальное время примерно одно и то же) возможно только пророка Мухаммеда. Выходит, он и есть самый... реальный, что ли,

если за других богов никто не вступается. Если тупейший фильм «Код да Винчи» вовлекает христиан в дискуссию только ради того, чтобы обеспечить рекламу и рейтинг, если Мадонна пародирует и девальвирует в своём шоу сцену Христова распятия — почему бы не унизить Христа на сцене Deutsche Oper ещё разок? Здесь-то кто будет возражать? Не придут христиане и не скажут: мы не дадим Господа нашего на поругание. Не соберутся и буддисты: мол, мы против такого кощунства, обеспечивайте скандальность и сборы спектакля другими способами. Служителей Посейдона на планете практически не наблюдается. Вот они, сумерки богов. Так что остаётся одна опасность, весьма реальная: она может исходить от тех людей, которые, не признавая словечка «толерантность», будут искренне защищать своего пророка Мухаммеда от эпатажных кощунств; защищать методами зачастую неверными и даже злостными, — но будут.

А других-то, выходит, и не спросили. Другие головы — пожалуйста, режьте. Тут уже давно всё либерально и индифферентно, всё позволено, всё можно обкривлять, обыграть, из всего сделать перформанс, — заходите на огонёк. Вам вынут голову Христа из мешка, вы подивитесь такой творческой смелости.

С мусульманами осторожнее, у них это серьёзно. А с иными можно, они стерпят. Их боги куда толерантнее. Этих богов никто уже и не спрашивает.

04.10.06

Моя ученица в 31-ом лицее написала хокку — японское трёхстишие.

«Утром в комнате тёмной
Открываю шторы —
Жизнь пришла».

Проснулся утром — за окном бело. Подхожу и открываю занавески. Откупориваю форточку. Сыро, свежо, холодно, хорошо.

Чувствуешь, как меняется жизнь, когда выпадает первый дождь или первый снег — весной и осенью. В такие моменты понимаешь, что мир в очередной раз неуловимо перерождается, переходя тонкую, но ощутимую грань времени. Первая прозелень на весенних ветках не даёт такого ощущения. И Новый год не даёт такого ощущения. Даже первый упавший жёлтый лист — нет. А внезапность первых дождя и снега — да.

Кто это делает? За что этот Некто так нас любит?

Только дождь и снег связывают нас с небом по-настоящему. Они идут в одном направлении: от облаков к нам навстречу. Ветер дует *вдоль* земли; пар и туман поднимаются *от* земли; радуга на секунду плавно окунается в небесную синь и потом так же плавно опускается назад. Но лишь снег и дождь, нисходя сверху, всегда *на* землю, всегда навстречу ей, по-настоящему очищают нас.

13.10.06

Южноуральские православные антиглобалисты дошли до Москвы. Выступили по НТВ, рассказали о грядущей опасности Антихриста, нашли понимание столичных соратников. Крепнут ряды. Скоро несчастный Органный зал приедут штурмовать сподвижники из Московии.

Не хочется ни цинизма, ни иронии. Тема серьёзная и горькая. Все видели этих людей: каждые выходные у Органного. Они хотят, чтобы вместо концертного зала там был отнятый когда-то у города храм. Я думаю, они хотят правильно. И даже завидую им, идя мимо и искоса на них глядя: вот люди, у которых есть горячечная, истовая цель в жизни. Они не боятся быть ни смешными, ни дерзкими, ни

бросать вызов всему миру. С ними Бог. Они сделали радикальный выбор. Они не признают полутонов. Это мы, простые прохожие, боимся посмотреть на них, потому что наша жизнь — компромисс с собой, с Богом, со своей совестью. А у них — нет.

Ещё они против социальных карт, ИНН и, как оказалось, новых паспортов. Потому что у этих паспортов подозрительный вид. Есть графа «личный код», есть узор на нечётных страницах, отдалённо напоминающий сатанинское число 666. Наконец, кроме всего прочего, под фотографией проглядываются какие-то полосы (неужели ферромагнитные?), в которых, по мнению антиглобалистов, уже сегодня скрыто подробнейшее досье на каждого человека.

Мир скоро будет под контролем, говорят они. Недалеко время подкожных имплантантов, страшных микрочипов, с помощью которых Антихрист будет контролировать каждое движение человека. И поэтому сейчас нужно бороться против этого всеми силами, проводить митинги и собирать подписи истинно верующих людей.

Многие хихикают: мол, одержимость теорией заговора. Не надо смеяться, дорогие. Мы про этот мир на самом деле знаем и вправду очень мало. Может быть, гораздо меньше, чем они. Мы воспитаны на гламурных журналах и канале ТНТ, на цинизме политиков и вялой осторожности либералов, поэтому юное поколение уже не плачет над «Дон-Кихотом» Сервантеса — отважным, безумным, добрым, бесполезным героем. Куда там плакать — даже и не читают. Что же касается одержимости, — каждый живёт в своём мире. По мне, так толкиенисты со своими сумасшедшими боевыми оргиями куда более безумны, чем православные антиглобалисты. Кстати, Толкиен — чисто христианский писатель, он и Средиземье создал, чтобы напомнить людям о библейских заповедях (как и Льюис — Нарнию).

Плохо другое. Время у нас расшатанное и дурное, и, казалось бы, люди, которые должны подавать другим пример любви, кротости, терпения, устраивают всё те же митинги и пикеты. Нервничают и призывают «к борьбе». Пишут письма властям и прокуратуре. Пугают народ «технотронной диктатурой». Требуют оставить им советский паспорт. Как будто советский паспорт — по их меркам — не должен быть знаком Антихриста, семьдесят лет выжигавшего в стране веру.

...Нам бы возлюбить ближнего, а мы узоры паспорта под лупой рассматриваем. Нам бы благое дело творить, нищим-сиротам помогать, а мы цифирки штрих-кода складываем: не получится ли в итоге 666?.. Нам бы больше Богу молиться, а мы только на чёрта плюёмся. Правильно сказал один религиозный философ: «Фанатику дьявол всегда кажется страшным и сильным, он верит в него более, чем в Бога». Отсюда — страх такого человека перед «аццким сотоной» и постоянная уверенность в том, что вокруг одни враги и изменники.

Никогда не забуду, как в Троице-Сергиевой Лавре у святого источника кто-то закричал на парня, который посмел набрать святой воды в современный пластиковый стаканчик: как ты можешь! Да переверни его — на донышке же штрих-код, знак сатаны! Рядом стоял кто-то из иноков, кротко улыбнулся парню и сказал: «Пей спокойно, милый. Не в стаканчике дело. Апостол сказал: для чистых всё чисто».

«При современных технических возможностях можно тайно и явно запечатлеть все народы и «номерами», и «чипами», и «печатями». Но они душе человеческой не могут повредить, если не будет сознательного отречения от Христа», — отмечает архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

А прочее всё — суета сует, как написано в том же Екклесиасте. И горько, что за этой суетой забывается главное: кроткое, радостное, уповающее служение Тому, ради Кого всё это и было затеяно. Ведь с истинной верой можно и в огонь

опаляющий зайти, не то что паспорт поменять. И вреда ни от того, ни от другого не будет.

Как у нас всё суетно. Мелко. Жалко.

15.10.06

Когда мы счастливы, мы об этом не знаем.

Кто это — кажется, Чехов? — отвечал на вопрос «когда вы были счастливы?» так: «Сейчас мне ясно, что я был счастлив в те минуты, когда чувствовал себя наиболее несчастным». То есть, в настоящем мы редко ощущаем себя счастливыми. А потом смотрим с расстояния прожитых лет и думаем: какое же это было счастье! Почему мы тогда этого не ощущали? Почему мы фыркали и кривились?

Самый счастливый момент в моей жизни был, когда мне стукнуло двенадцать. Конечно же, я этого тогда не знал и не понимал. А вот сегодня лёг первый снег на жёлтые листья, и мне что-то бумкнуло в грудь.

Она приехала в Челябинск из Москвы. На пять дней. Она была старше меня на год. Она была юной, но очень талантливой пианисткой. Я влюбился сразу, как она села за рояль. Наверное, сначала больше в музыку, чем в неё. Потом сам её облик стал у меня связываться с музыкой. Когда она появлялась, улыбалась, начинала говорить со мной — у меня внутри пел рояль и гремел оркестр. Оглушённый этим, я стоял, раскрыв рот, как дурак. Я не слышал, что она говорила, отвечал невпопад. Я ощущал только музыку и видел перед собой её лицо — нежное, лукавое, смеющееся.

Мы общались урывками. Она не влюбилась в меня — с чего? Я ей просто стал симпатичен. Она имела неосторожность мне это сказать. Я тут же напридумывал себе такой романтической лепнины, что хватило бы на пятьсот любовных романов. А было мне, повторюсь, двенадцать лет, и я не очень хорошо понимал, что со мной происходит. Как я её

ревновал! Ко всем. Даже к её отцу. Он мог, заговорившись с кем-то, попутно-машинально провести рукой по её длинным волосам. Как он мог делать это так походя, так рассеянно, так обыкновенно? — мучительно думал я. Если бы я имел святое право только прикоснуться...

Но вообще я просто желал видеть её. И слышать. И я не мог без её улыбки физически, как без воды. Эта улыбка отпечаталась у меня на сетчатке, всё время была со мной: наяву и во сне. Сон и явь перестали различаться. Пять дней прошли, как один. И я начал сознавать, что она уедет. Насовсем. Сначала мне захотелось сбежать к ней в Москву. Зимний московский двор. Она выходит гулять с собакой. И видит у фонаря меня. Почему-то я представлял именно так: у фонаря. Я стою и скромно переминаюсь с ноги на ногу. Я типа приехал к ней. Дальше сюжет прерывался.

Помню последнюю ночь перед её отлётом в Москву. (Бог мой, как пафосно: «последняя ночь»! Чёрт-те что можно подумать). Это и было тем самым счастьем. Недоумеваю, как нас тогда отпустили гулять в ночь. Был 88-ой год, и ночные прогулки детей ещё не считали слишком опасными. Двор был в центре, на Ленина. Мы вышли на пустую площадь Революции. На чёрную мостовую с чёрного неба повалил первый белый снег. И он как-то сразу не стал таять. Мы болтали и смеялись, а тут притихли. Стояли, задрав лица к небу, и смотрели. Нас словно кто-то фотографировал сверху нежно и бережно; он знал, что этот миг больше никогда не повторится. Такое не повторяется.

Ага, вот ещё одна формула: счастье — это то, что не повторить.

А потом она повернулась ко мне и увидела мои глаза. И, наверное, поняла, что я чувствую. Но она не любила мелодрам, эта девочка. Она просто весело сказала: а хочешь, я что-нибудь напишу? Я ещё не понимал, о чём она, а она уже

побежала к краю площади и стала вытаптывать на первом снегу — огромными, во всю ширину площади, буквами — «КОСТЯ». Я на второй букве понял, что она пишет, и счастье ударило мне по глазам, по горлу, по сердцу — я пошатнулся, но я не знал, что это со мной такое, мне просто захотелось зачерпнуть снега и есть, чтобы остудиться. Вместо этого я побежал на другой конец площади и стал писать её имя — такими же огромными буквищами.

Этот снег никогда, никогда не должен был растаять.

Так мы двигались друг к другу с двух концов площади Революции под надзором сумрачного, но тоже убелённого снегом Ильича — двигались друг к другу, чтобы через несколько часов невозвратно расстаться. Тут хотелось бы снова написать «навсегда», но я бы слукавил.

Мы встретились через десять лет в Москве на улице. Мы узнали друг друга, но лучше бы не узнавали. Я не буду больше ничего об этом писать; напишу только о погоде, слякотной, отвратительной весне. Снег был серый, гиблый, тестяной, липкий. И мы прошли с ней несколько бульваров, беседуя и меся этот нестерпимый снег. Ужасный снег. Совсем другой.

Тем чище и сильнее воспоминание о том первом снеге. Теперь я понимаю, как был счастлив пацан, который протаптывал любимое имя на белизне городской площади. Может, и хорошо, что он об этом тогда не знал.

23.10.06

Чтобы защитить свой новый знак от пиратов, одна хорошо известная компания подала в Роспатент заявку на регистрацию разноцветных квадратов с силуэтами яиц. Эти яйца (символы лёгкости, простоты и доступности связи) мы уже не первый месяц наблюдаем на рекламных плакатах. Запатентовать хотят сам символ яйца. Во-первых, для того, чтобы он

принадлежал только одной компании. Во-вторых, чтобы другие изображения яиц не компрометировали гениальность брэнда этой компании. Всё гениальное просто. Как яйцо.

И, как сообщается в новости, в случае успеха даже птицефабрики не будут иметь права рисовать яйца на своих этикетках. Представляете? Что же им, бедным, придётся рисовать вместо яиц? Наверное, мобильные телефоны. Или курей, по этим телефонам говорящих.

Мы бы компании порекомендовали лучше на каждое яйцо, выпущенное российскими птицефабриками, наклеивать три своих красных буквы. Конечно, тут хлопот не оберёшься, зато уж будет понятно по умолчанию, кому в России принадлежит каждое яйцо. Совет распространяется только на куриные; однако можно пораскинуть мозгами и фантазировать шире, что и советуем сделать имиджмейкерам фирмы.

Вообще идея золотая. Почему они не запатентовали лицо Гагарина? Или уже запатентовали? Почему молчат другие компании? Почему не патентуют изображение пчелы?! Надо запрещать продавать мёд под этикетками с изображением пчёлок. И нигде не разрешать использовать сочетание жёлтого и чёрного. Это эксклюзивное сочетание. Тигры не имеют морального права разгуливать в таком виде. А почему с плакатов ещё одного оператора исчезли замечательные длинноухие собаки (порода называется «бассет-хаунд»)? Неужели собаки подали в суд за незаконное использование их морд?

Какая у нас эксклюзивная страна. Всё, что угодно можно запатентовать, даже яйцо. Ни одна курица не догадалась, а вот известная компания додумалась. А ведь есть в России Закон о товарных знаках, который отдаёт приоритет использования конкретного изображения предприятию соответствующего профиля. Ну, не подходит корова для рекламы хлебозавода, она как-то лучше смотрится на пакете с молоком. А яйца никак не ассоциируются с мобильной связью, они гораздо больше подходят для рекламы птицефабрики. Ну, если хотите — пожалуйста, ставьте яйца хоть на рекламу семейных трусов, только зачем же объявлять на них своё эксклюзивное право?

Ничего нового не изобретается, свежие мысли не посещают, оригинальные идеи иссякли. Господа, патентую свою рожу. Она толстая и несколько помятая, правда, некоторым девушкам нравится. Запрещаю эту рожу продавать со страниц сайтов и журналов, фотографировать, использовать для поцелуев и зырить на неё без специального разрешения. Запрещаю воспроизведение этой рожи на всех этикетках. Все изображения рож, похожих на мою, будут преследоваться по закону. И не говорите мне, что вы используете изображения других рож. У тех рож такие же два глаза, два уха и один нос. Так что вы их срисовали с моей и чуть-чуть подправили.

Продаю свою рожу продвинутой компании в качестве товарного знака. Эксклюзивно. Недорого. И гораздо гигиеничнее, чем яйца. Ваши конкуренты от зависти загнутся.

27.10.06

Сегодня подумал, что у нас в стране есть профессиональные любители нравственности. И с частой периодичностью эти любители попеременно кричат (то из Думы, то из организации типа «Плюющих вместе», то из какой-нибудь доморощенной Комиссии по высоким моральным критериям) как нашу страну ужасно разлагают. То есть, какие пошлые реалшоу показывают по третьесортным телеканалам, какие неприличные журналы выпускают в массы, вообще как вульгарно насилуют матушку-Рассею.

Засланцы Запада и претенденты на делёжку нашей Сибири, господа с гнилостными программами, написанными корявой рукой дяди Сэма, монстры о пяти пёсьих головах только и

думают, как тут нас всех максимально поразвращать и свести до уровня плинтуса. А мы, такие морально устойчивые и разумные, держимся из последних сил. Вечная теория заговора. В наших страданиях кто-то виноват, но это не можем быть мы.

Когда я слушаю все эти горячечные речи, я думаю только об одном: почему же у всех этих телепередач тогда такие высокие рейтинги, а гламурную дрянь наш нравственно устойчивый народ расхватывают с лотков, как горячие пирожки? Большой ли рейтинг у телеканала «Культура»? Большой ли рейтинг у местной картинной галереи? У нашей районной библиотеки? И кто нам запрещает вырубить ящик или пройти мимо лотка с очередным жёлтым «поревом»?

Я часто езжу в поездах. Каждый второй читает в дороге только прессу из цикла «Спид-инфо». А раньше, в середине девяностых, читали вообще все. Я не преувеличиваю. Рдели от смущения, причмокивали, матерились: «во чё понаписали, удумали же, гады!» — и всасывали от корки до корки, пуская слюну. Сейчас, правда, насытились чуть-чуть, потянулись к более интеллектуальному досугу: сканвордам.

Надолго бы задержались в России «засланцы Запада» со своими чудесными проектами, если бы мы их не смотрели, не читали, не слушали, не обеспечивали им эти высокие рейтинги? Но ведь слетаемся, как мухи на мёд. Детей от экранов подальше, а сами — к экранам: что там ещё покажут в этих «Окнах» и «Домах»? Ох, сволочи, снова навыдумывали! Ох, до конца досмотрим, до чего же всё это докатится-то?

Никогда не сидел в чатах, а тут случаем попал на заглавную страницу одного из известнейших в России чатов. И посмотрел на популярные темы «комнат», в которых сидит на досуге народ. Это просто поэма какая-то. Привожу без специального подбора:

«Тайные встречи несвободных. Поклонники пышечек. Виртуальный секс на работе. Возьми меня грубо. Парень парня. Русские националисты 21 века. Секс в школе. Самоудовлетворяемся. Лесби за 40. Жену при муже. Женщины в соку. Папа, мама, сын, дочь. Доминирование. Хочу близнецов. А давай без одежды. Я знаю, что ты хочешь...»

Вот сижу и думаю: а не отсюда ли, из нашей простой жизни, брал Нагиев темы своих «Окон»? Или эти темы русского чата тоже придумываются особым отделом ЦРУ?

В общем, по Пелевину — заговор морального разложения России действительно существует, и в нём участвует практически всё население России. Так что претензии, как говаривал Гоголь, к зеркалу, а не к телевизору.

14.11.06

В городах, расположенных в сейсмической зоне, существуют особые правила на случай землетрясения. Например, в Стамбуле народ всегда настороже и любую минуту ожидает, что начнёт трясти. Говорят, в этом городе у каждого человека в прихожей рядом с входной дверью стоит небольшая сумка. В сумке этой лежат несколько долларов, пара бутылок минеральной воды, свисток, фонарик, документы, шоколадка и ещё какая-нибудь важная вещь. Например, мобильник. Или фотография любимого человека. Или амулет-оберег. В общем, то, что спасти необходимо.

Урал, слава Богу, не Стамбул, но, говорят, трясти у нас тоже потихоньку начинает. Вообще-то осознание, что на днях может наступить конец света (пусть даже в отдельно взятом доме) весьма полезно. Мысль, что завтра всё рухнет к чертям собачьим, конечно, позитива не добавляет, но позволяет заняться добрыми делами (чтобы тебя навсегда запомнили), постирать свои носки (чтобы от тебя в случае чего хорошо пахло) и особенно нежно поцеловать на ночь жену: вдруг в раю не встретимся? Такой ангел как она, и такой грешник как я...

Но всё-таки — в порядке бреда, конечно — что бы положил в эту сумку я на случай, скажем, обрушения дома? Шоколада не люблю, хотя он поддерживает организм энергетически. Но у меня от него жажда развивается непомерная. Так что лучше заложить в сумку сухарей и менять их раз в полгода, когда старые заплесневеют. Воды, конечно, взять побольше: я жуткий водохлёб. Три бутылки. И четвёртую — с коньяком. Мало ли… раны продезинфицировать. А витамины на случай общего истощения организма? Надо закупить пару пузырьков. Копии документов (оригиналы ношу с собой). Фонарик с хорошими батарейками, пару сотен рублей, правда, не знаю, что с ними нужно будет делать под развалинами, может, костёр разводить из них. О! Спички. Всё-таки, если тряхнёт зимой, замёрзну. Потом — свисток… у меня есть флейта, восемь лет учился музыке, слава Богу. Если дунуть что-нибудь из четвёртой октавы, у окружающих уши закладывает. Места она много не займёт. Опять же, музыкой себя буду развлекать в одиночестве под обломками. Да и жалко живой инструмент оставить на погибель…

Так… Теперь дискету с лучшими своими стихами, которых ещё не издавал. Вообще все файлы с компьютера: свои фотки, музыку, документы. Книги… чёрт возьми, есть же раритетные издания. Придётся приготовить не одну сумку, а две. Лучше три. Теперь любимые фотографии… Частички жизни… То, от чего нельзя отказаться…Ну и ну, как я, оказывается, сентиментален. Это вот с Полиной в Питере… а это с Мариной в Крыму… а как отказаться от этих, с Таней на Аркаиме? … с Алёной?.. Ларисой?.. А фотки друзей? Родителей? А эксклюзивный снимок, где рядом со мной в холм ударяет молния? В общем, три альбома всяко. Да я бы их и в рай взял, если бы позволили; а так что, оставить на растерзание природному катаклизму? Где у нас четвёртая сумка? А семейные реликвии? А аквариум? Рыбок тоже жалко…

Похоже, количество вещей, предназначенных для «катастрофической» сумочки, заполнит всю прихожую и половину гостиной. Так что в случае катастрофы я не смогу их унести и буду благополучно погребён вместе с ними.

«Ничего нет в моём доме — только тепло и душевный покой», — написал как-то древний японский поэт. Но, боюсь, научить такому лёгкому отношению к жизни может только реальное землетрясение.

Хочется иногда остановиться перед киоском с компакт-дисками и танцевать под доносящуюся из колонок музыку, как это делают бомжи.

Им совершенно нечего терять. Нет личных вещей. Дома. Денег. Зависимости от окружающих.

«И ни о чём не беспокойся — есть только музыка одна».

30.11.06

Из Швейцарии приехал мой русский знакомый, повторяет: не могу там больше жить. Понимаешь, у них там нет слова «друг». В каком смысле нет? — удивляюсь я. Он объясняет: у них для человеческих отношений существует слово «компаньон», в смысле, деловой партнёр. А если человек про человека говорит: «он мой друг», в глазах всех окружающих это означает, что они спят.

Это в дневнике у А. Е. Попова я прочитал меткое выражение — «заминированные слова». А сколько у нас, в России, слов за последние два десятилетия стали «заминированными»! Попробуй произнести без напряга «партнёр»… или «конец», или «член фракции». Попробуй сказать в обществе старше десяти и младше сорока: «что-то я сегодня переспал», «петушок кукарекает», «сосательная конфета», или процитировать ларинское «кончаю, страшно перечесть!» Когда-то вся страна самозабвенно пела песню из мультика про Голубого щенка. Теперь опасаются: звучит двусмыслен-

но, да и задеть можно ненароком ближнего своего. Вот перечислил я всё это, и даже у меня остаётся такой привкус во рту, будто что-то «солёненькое» сказал. А перечислил ведь обычные вещи, которые ещё двадцать лет назад никакого особого привкуса не оставляли.

Туманное время у нас, расползающееся, двоящееся — время скабрезных намёков, подмигиваний, проступающих на всём двусмысленностей.

25.12.06

Вчера на ночной улице девушка привязалась. Время сначала спросила. Потом вдруг заплакала. Выпивши немного, что ли. В костюме Снегурочки: синий, мехом отороченный, коса настоящая, золотистая из-под голубой шапочки свисает. Я растерялся. Остановился. Холод за щёки хватает.

— Чего плачешь-то? Дед Мороз твой где? — спрашиваю.

— Бросил меня, гад, — говорит она. — Ушёл с подарками. Куда я без него?

— Домой иди. Замёрзнешь.

— Да как замёрзну, я же Снегуууууууурочка, — плачет.

Дурочка.

— Дед Мороз-то муж, что ли? — говорю осторожно.

А она всё плачет. С кем не бывает. Подарки, может, разносила с ним от какой-нибудь фирмы, поссорилась, поругалась. Выпила. Не знает, куда идти. Женщина иногда не знает куда идти. Совсем.

— Пошли со мной, — говорю. — А то замёрзнешь. Я один живу. Переночуешь на диване.

Она молча пошла. По доверчивости и впрямь Снегурочка.

— Только подарка у меня для тебя нету, — говорит, и нос вытирает красивой варежкой. — А почему ты один, добрый такой? Жена где?

— Расстались давно, — отвечаю. — Каждый Новый Год загадываю себе новую жену, а она всё нейдёт. Может, ты моей женой будешь?

— Так ведь только до весны, — улыбается Снегурочка. — Весной-то, как потеплеет, мне тут нельзя.

— А поедем на Север вместе весной.

Вот она уже и смеётся. Пришли домой, я чайку горячего заварил. Хороший чай, зелёный с жасмином. Дух по всей квартире ароматный. Она шубку так и не сняла свою. Только сапоги скинула, в белых шерстяных носочках проскользнула на кухню.

— Ну, ты что, мне же горячее запрещается, — говорит. — Растаю тут у тебя совсем. А у меня ещё много детей без подарков осталось.

Кожа у неё белая-белая, будто и впрямь из снега вылеплена.

— А у тебя своих детей нет? — спрашиваю я.

— Кто же от меня детей захочет?

— Красивая ты.

— Холодная. Никто холодную не берёт. Вот и хожу, чужим дитям подарки раздаю. Они меня даже обнимать боятся.

Не пойму: серьёзно говорит или шутит. Может, впрямь настоящая Снегурочка у меня на кухне? Где же дед Мороз, зачем её бросил?

А вот была бы она просто одинокой девушкой, не в костюме Снегурочки, я бы время ей сказал и мимо прошёл. Даже подумать неуютно. Может быть, всем одиноким людям под Новый Год нарядиться Морозами и Снегурками, выйти на улицы, чтобы, наконец, заметить друг друга? Встретиться?..

Просидели с ней почти всю ночь. Разговаривали, будто знакомы сто лет, остывший чаёк прихлёбывали. А потом она сказала, ложечкой в стакане звеня:

— Вот всю жизнь об этом мечтала.
— О чём?
— Чтобы всю ночь с кем-то на кухне проговорить. Просто проговорить. Вот так уютно, знаешь. Лампа, чай и человек напротив. И говорить, говорить, и не спать. Понимаешь, вот именно так. Не трахаться, не чтобы цветы дарили, не ликёр в дорогом ресторане, а вот так.
— Что же, сбылась, значит, и твоя мечта под Новый Год?
— Выходит, да.

Посветлела она и ещё красивее стала. Гляжу на неё и, чувствую, сам светлею. И тепло-претепло на душе. Когда спать попросилась, постелил ей на диване в большой комнате. Довольная, уснула. Сам тихонько лёг у себя. И тоже всё мечтал о чём-то до утра, пока глаза не слиплись совсем.

Утром проснулся, а её нет. Растаяла всё-таки, наверное. Нельзя им долго в тепле. Не привыкли.

Скольких надо к теплу приучить. И чай заварить, и говорить-говорить-говорить на кухне, и слёзы вытирать, и любимыми, хорошими, родными звать. Чтобы привыкали, не исчезали, не таяли, не уходили в себя, в своё одиночество. Чтобы превращались из Снегурочек в настоящих, любимых, желанных, из плоти и крови.

С наступающим, люди. Греть друг друга надо. Греть. Не Снегурочки, не растаем.

09.01.07

…А если опустить всю романтику и лирику, о любви останется только одна реплика — жёсткая, чистая и настоящая: «Любовь — это наказание. За то, что не смог остаться один». Маргерит Юрсенар.

11.01.07

Я живу в одном из тех домов, где при подъездах тусуются старушки. Их много: в погожие дни — до девяти-десяти на один подъезд. Стоят и бдительно несут службу. Служба их опасна и трудна. В мороз переминаются с ноги на ногу, но имеют тот же зоркий взгляд, стальные нервы, горячее сердце, несгибаемую караульную выправку. Проскользнуть мимо них невозможно.

— Молодой человек, одну минуточку! Молодой человек, а это не вы в прошлый раз дверь в подъезд не закрыли? А почему вы рекламу из своего почтового ящика не вынимаете? А это у вас топают до двух часов ночи? А девушка, которая к вам сегодня днём приходила — ваша сестра? А вы женаты? Пора бы. А кем работаете?

Я теперь карамельки с собой ношу и старушек прикармливаю, чтобы они меня в собственный подъезд пропускали без проблем. Трудно допрашивать спешащий мимо народ с карамельками в малозубых ртах. Гости ко мне боятся ходить. Старушки у подъезда так чужака глазами просветят, что у того все желания отпадут. С девушками особенно тяжело. Сами понимаете, отпадание их желаний мне ни к чему.

Знают старушки про всё на свете. В радиусе километра. Как имя третьего хахаля Машки из девятой квартиры, и где Колька взял денег на новый шифоньер, а в тринадцатой квартире по ночам что-то шумит и пахнет через потолок краской, наверное, фальшивые деньги печатают. Третьего дня к Женьке из четвёртого подъезда приехал отец, они поругались, и Женька ударил отца вешалкой. А Людмила Никитична из соседнего дома вывела тараканов очень простым рецептом: приучила их к водке. Они и спились, сволочи.

Соседи Деда Мороза ребёнку вызвали. Вы думаете, бабушки его в подъезд пустили, с таким-то тугим мешком? А вдруг там бомба? Допрашивали, велели паспорт показать,

бороду снять; потом соседка, которая вызывала, вышла, впустила бедолагу. В подъезде нашем нет в помине домофона. Зачем? «Рентген» работает безотказно, с девяти утра до семи вечера, посменно, с коротким перерывом на обед, а во время обеда умудряются за обстановкой из окон следить.

И знаете что? Я к ним привык. И даже сроднился.

Я думаю, мы вот так в старости у подъезда стоять не будем. Мы будем в Интернете сидеть. Или по углам затаимся. И во дворе бельё не развесим никогда, как эти бабушки вывешивают, потому что экология к тому времени ещё больше испортится. И знать о соседях ничего не будем.

У нас в подъезде иногда наркоманы ночами (благо, бабушки спят) устраивают тихую вечеринку. Это если кто-то наружную дверь не защёлкивает. И утром весь подоконник и проём между разбитыми окнами в шприцах, окровавленных иглах и ампулах. Тогда одна бабушка каждый раз берёт мешочек, надевает перчатки и молча собирает эти иглы, а потом выносит на помойку. Другая моет лестничную клетку. А третья ввинчивает новую лампочку на площадке.

А я, такой занятой и надменный, хожу мимо них и усмехаюсь в шарф: старые язвы, тихие сплетницы, «дневной дозор»!

Сам никогда шприцы или осколки не подберу, побрезгую. В лучшем случае куда-нибудь позвоню и пожалуюсь, что на лестнице свинство и грязь. Закалка у меня не та. А у бабушек — та. В чём-то я куда слабее их. Я уже ржавыми застал таблички «Дом образцовой культуры и быта». И меня колбасит подбирать за кем-то нагадившим, если нагадил не я. Пусть подбирают те, кому за это платят. Я не верю в общественную пользу такого альтруизма. И хлопоты о чистоте распространяю, к сожалению, только до наружного порога своей квартиры. А они совсем другие.

Люблю этих старушек. Когда они уйдут, станет пусто и грязно. И тихо.

23.01.07

Вчера наблюдал на улице. Идёт молодая мама, с ней трёхлетний малыш. Оба улыбаются и о чём-то щебечут. А впереди, на обочине дороги, лежит мёртвый голубь. И не просто мёртвый, а тошнотворно раздавленный. Мама замечает его первая и поспешно говорит малышу: «Давай мы сейчас сыграем с тобой в интересную игру. Кто из нас дольше пройдёт по улице с закрытыми глазами». Мальчик, конечно, поспешно и радостно закрывает глазёнки. И идёт, держась за мамину руку, крепко зажмурившись. Он ведь честный, подглядывать не будет. Мама быстро проводит его мимо голубя, а потом говорит: «Ой, я свои глазки уже нечаянно открыла. Ты выиграл!» Малыш, конечно, счастлив, и слава Богу.

Чёрт, как иногда хочется, чтобы тебя кто-то попросил закрыть глаза. Чтобы миновать всё страшное, играя. Чтобы всё неприятное стало смешным и безобидным, оказавшись в худшем случае сном или фильмом ужасов, идущим по телеку.

Например, вот этот бомж в коростах в подземном переходе. И юноша в электричке без ног, передвигающийся на кулаках, просящий подаяние (как он перебирается между стыками вагонов?). И дедок пьяный, упавший на трамвайные рельсы и не сумевший подняться вовремя. Всё это нежное, искалеченное, тоскующее, страшное, которое тоже было когда-то в возрасте этого счастливого малыша.

И мы спешим вдоль рельсов, вдоль обочины, вдоль подземного перехода, отворачиваем глаза в электричке, или бросаем медяк, точно откупаясь от собственного стыда. Не видеть, не думать, не помнить, чтобы ничего не болело! Мы ведь тоже люди. Это могло случиться и с нами, да?

«Давай сыграем в интересную игру, сынок». А как ему будет потом, в восемь, десять, двенадцать лет? В первый раз увидев мёртвое, искалеченное, смердящее, неприглядное, — не испытает ли психический ожог? Шок? Потому что Фред-

ди Крюгер по телеку — это одно. Это грим и спецэффекты. Ему объяснят. А как быть с реальностью? Великий Будда, только в юношестве узнав, что существуют нищета, болезнь, смерть, сумел преодолеть ужас этого открытия и нашёл рецепт для других. Тоже не вполне утешительный: каждый ли сумеет отказаться от своих переживаний, страстей и желаний? Купить нирвану ценой собственного равнодушия — в самом заурядном, безоценочном смысле этого слова: ровность души, на которой нет ни волны взволнованности, ни всплеска привязанности, ни лёгкой ряби переживания…

Мир прекрасен и ужасен в равной мере. Я должен радоваться прекрасному и сопереживать ужасному, чтобы в радости и сочувствии росла и зрела душа. Великий Рильке сказал как-то: «Всё страшное и уродливое — это прекрасное, которого пока не вместило наше сердце».

26.01.07

Джон Леннон говорил, что в жизни нужно попробовать всё, кроме инцеста и народных танцев.

Решил последовать этой мысли и начал пробовать себя в вещах, мягко говоря, мне несвойственных. В частности, написал текст песни в жанре «русский шансон». Понравилась идея поработать в чужом стане, ощутить не понаслышке его атмосферу и особенности. Зачем эстетствовать и брезгливо складывать губки гусиной попкой? Хочется почувствовать явление «изнутри». Так интеллигент припадает к земле, сивухе, сермяге. Сермяга, кстати, в шансоне та же, что и в попсе: понты, туповатость, однообразие, лирическое поскуливание «о лучшей доле» и три музыкальных аккорда, под которые вся эта бодяга поётся. Ну, к этому, конечно, криминальный антураж: «украл, выпил, в тюрьму» плюс извечная тоска по любимой маме. Собственно, мама и является единственной нормальной женщиной в жизни лирического героя

(любимые девушки не в счёт, при ближайшем рассмотрении они все оказываются шалавами, потому не заслуживают сочувствия). Воспоминания о маме не мешают герою резать и бить ближних своих, наоборот, всё эти случаи рассказываются маме со смешанным оттенком сетования и гордости: родная ты моя, скольких я зарезал, скольких перерезал, но вот чего-то, блин, звезда в решётчатом окошке засияла, и заскучалось по тебе.

В общем, песню нам с композитором Женей Кармазиным заказали тоже про маму. Один из чиновников Екатеринбурга, стоящий весьма близко к верхушке местной власти, имеет такое вот творческое увлечение: русский шансон. Так что, господа, не только дальнобойщики и водители маршруток слушают эту радость, а, тем более, сочиняют. Караоке петь нашего мужичка не устраивало; ему хотелось написать своё, искреннее, «от души». Он набросал мне краткие мысли: о чём должна быть песня. Я осторожно посоветовал: может быть, не в жанре русского шансона, может, просто о маме, что-то наподобие «Спасибо, родная».

«Нет, — властно ответил он, взмахнув рукой (обнажилась наколка на запястье), — Именно шансон. Только он по-настоящему в душу западает!»

Мы с Женькой сели писать. Академическое образование давало себя знать: он перебарщивал в аранжировке со скрипочками и духовыми, я изъяснялся сложносочинёнными предложениями и следил за точностью рифмовки. Втайне мы оба боялись, что заказчик, услышав наш труд, пошлёт нас куда подальше. Дело в том, что у нас, создателей мюзикла, получившего «Золотую Маску», в жанре шансона как раз не получалось так кондово, просто и прямолинейно, как это требовалось по стандарту. Я понял, что реально не могу написать по-настоящему тупоголовый текст. Типа «чифирок, чифирок и кубинский сахарок, шарф, ушанка, телогрейка,

вот и весь наш гардероб». Это ведь своего рода шедевр. Чтобы писать так плохо, что это «плохо» уже даже сходит за «хорошо», надо иметь особый талант.

Тем не менее, мужику понравилось. Конечно, при записи голоса он с трудом попадал в такт, путал слова и задыхался от натуги, но в конце даже прослезился. «Такая печаль, душу рвёт, — говорил он нам. — Спасибо, пацаны. Вы прям будто на зоне были, ей-Богу». «Нееее, — поспешно отвечали мы, — не были!» «Ну, ничего, — утешил он, — какие ваши годы...»

Вот в этом-то всё и дело. «От сумы и тюрьмы не зарекайся». Мы все живём под странным ощущением, что нас это рано или поздно настигнет. Так или иначе прижмёт, так или иначе каждого коснётся. Такая страна. «Каждый второй сидит, каждый третий охраняет». Сейчас сидит десять процентов, а ещё девяносто — собираются. Не побывал за решёткой — мира не видал. Романтики не нюхал. Крещения настоящей жизнью не проходил. О маме по-настоящему не тосковал. Какие наши годы. Все там будем, если ещё не были...

Именно это обречённое знание роднит простого водителя маршрутки и высокого чиновника. По сути, блатные песни являются идеологическими в той же степени, в какой являлись советские: и те, и другие извиняя и романтизируя сомнительный уклад, утверждают, что в родных просторах он неизбежен и необратим для каждого.

Не буду больше писать русский шансон. Фальшиво, отвязно, тоскливо. Правда, заказчики колоритные. Типажи!

Кстати, когда Леонида Утёсова спросили: «Как вы думаете, чего в нашей стране никогда и ни за что не случится?», он секунду подумал, а потом ответил уверенно: «Наверное, в Кремле никогда не будут исполнять блатных песен».

Время меняется удивительно — не потому, что быстро, а потому, что незаметно. И постигаешь эту его незаметность,

когда сбывается то, что ещё тридцать лет нельзя было представить в самом заветном сне. Или в самом жутком.

30.12.06

Вот и Год Свиньи подходит.

В моей жизни было уже два года Свиньи — 1983-й и 1995-й. В гороскоп не верю, но стало интересно воскресить в памяти эти «исторические» точки. Представить их метками определённых циклов своей жизни и сравнить с настоящим временем.

1983 год. Встречаю в Челябинске, у бабушки. Мне шесть, и я верю, что дед Мороз приходит. Он приходит. От него пахнет бабушкиным одеколоном. Он родной потому что, да? Дарит мне мандарины — настоящие дефицитные мандарины, ура! У нас есть большая красивая ёлка, а бабушка вынула с антресолей свои старые игрушки. Я люблю старые игрушки. Они тусклые и, кажется, насквозь пропахли хвоей прежних ёлок. Некоторые из них — ватные, самодельные. Лоскутики ваты окунаются в цветную краску, потом в сахарную воду, сплетаются и сушатся. Получаются птицы, собаки, дети. В этом году бабушка слепила меня и усадила игрушку верхом на ёлочную ветку. Я не похож на себя, но мне нравится. От пихты идёт дурманящий запах. Бабушка не признаёт электрических фонариков и зажигает на ёлке настоящие свечки. Приходит мама с таинственным видом: значит, с подарком. А я жду папу. Я никогда в жизни его не видел, мне обещано, что он приедет с далёкого Севера. У нас во дворе все дети одиноких мам имеют возможность хвастаться «далёкостью» своих пап. Один космонавт, ему просто некогда. Другой разведчик, он в США. Третий — геолог, он почему-то в Африке. А мой папа — покоритель Севера, вот почему его нет рядом. Правда, в его прибытие на Новый Год я верю меньше, чем в приход деда Мороза. И, как оказывается, не верю правильно.

По телевизору (маленький, чёрно-белый «Рекорд В306», я с детства читал его название, как «рекорд взоб», и такое имя телевизора почему-то пугало), показывают вялый концерт. Страна ещё не вполне оправилась после смерти Леонида Ильича, прошло каких-то полтора месяца, и бодрое новогоднее настроение не ощущается. Может быть, концерт заранее записывали, и запись пришлась на дни траура? Но у нас есть пианино, а значит, можно создать своё настроение. Пианино лучше телевизора, я это уже понимаю. Оно однообразнее, но роднее. Это как сравнить хорошего клоуна и мою бабушку. Клоун классный, но бабушка всё равно лучше.

Мы едим салат «оливье», курочку, потом пьём чай. На десерт я вгрызаюсь в мандарин. Затем получаю от мамы свой подарок: большую пластинку со сказкой. Обожаю пластинки. Слушать и смотреть, как они крутятся, как ловят пыль, как кольцами плавно двигается волнистая линия перед бумажным кружком в центре, чтобы игла в конце аккуратно сползла с дорожки. Мне всегда жаль эту линию: она понапрасну двигается всё время, каждую секунду, а игла лениво сползает по ней раз в полчаса. Пластинка со сказкой. Я счастлив. Завтра не надо вставать и по морозу идти в детский сад. Я могу ещё съесть мандарин. Я чувствую такое острое покалывание счастья где-то внутри, что на его ощущение у меня уходят все силы. Теперь меня сморило. На часах нет ещё и девяти, а я встречу Новый Год во сне. Это и правильно. Я слишком маленький, слишком сонный, слишком счастливый. Я всех люблю. Папа обязательно приедет; никто никогда не умрёт; мой ватный двойник на ёлке встретит праздник за меня.

1995-й. Встречаю в Москве, мне восемнадцать. Я приехал принять участие в концерте «Созвездие молодых» в зале Чайковского. Читал стихи. Принимали хорошо. Меня поселили на Новом Арбате, но в старой коммуналке. Гостиницы слишком дорогие, вернее, нереальные. В то время гостиницы и самолёты оставались ещё нереальными. Сейчас стали чуть более реальны. Я живу в комнатке у девяностолетней старушки. Вокруг — огромная квартира с серыми стенами. Четырнадцать жильцов. Коридор похож на туннель метро: почти так же тёмен и огромен, кажется, иди и конца не будет. Где-то наверху тускло тлеет лампочка. Всех обещали расселить в новые дома ещё к девяностому году. В центре жить страшно, тоскливо, дорого. Когда в девяносто первом мимо шли танки, а в девяносто третьем — штурмовики, казалось, вот оно и началось, сейчас всё рухнет, сейчас придут и распатронят, отберут последнее, выгонят на улицу. Так говорит старушка, улыбаясь и дрожа, макая в чёрный чай чёрный пряник. Я принёс ей ёлочный букет. Торгуют ими возле метро «Арбатская». По Москве уже перестали бегать крысы, она начала покрываться первым слоем своего нынешнего лоска, по лоткам бойко расставлены глиняные свинки, их расхватывают. Падает густой, жирный снег. В начале Нового Арбата открылся роскошный гипермаркет. У нас такими ещё и не пахнет. Челябинск довольствуется «сникерсами», купленными в коммерческих киосках. А тут уже такой европейский выбор, такие прозрачные автоматические двери, такие чудовищные, буржуйские цены… Я очень хочу купить старушке хорошие конфеты, но у меня не хватает денег. Я спираю три конфетных шарика в рукаве.

Мы сидим со старушкой и пьём чай с украденными мною шариками. Горит парафиновая свечка. Ёлочный букет ничем не пахнет: московская ель с короткой иглой, в отличие от пихты, не имеет запаха и к тому же быстро осыпается. По радио бьют куранты, что-то бодро говорит Ельцин. Телевизора, слава Богу, нет, и мы не имеем счастье видеть праздничный «Огонёк» с Богданом Титомиром.

В комнате всё сухое и сморщенное: фотографии, рюшечки на скатерти, ваза со старыми цветами, съёжившийся от

времени комод... Мы беседуем, и выясняется, что моя старушка девочкой знала Блока, глядела на Шаляпина, позже общалась с Ходасевичем. Я затаиваю дыхание. Она говорит обо всём этом легко и как бы случайно, походя, но мечтательно — не как о прошлом, а как о сне, который уже точно не суждено вернуть. В недрах жуткой коммуналки, в самом центре страшной, непредсказуемой страны, в центре моего глуповатого отрочества, в обшарпанной комнатке со свечкой старушка читает мне Ходасевича:

— Грубой жизнью оглушённый, нестерпимо уязвленный, опускаю веки я — и дремлю, чтоб легче минул, чтобы как отлив отхлынул шум земного бытия.

Соседи хлопают дверями, во дворе кто-то запускает «ракету». Я сижу неподвижно. Мы со старушкой одни на всей планете. Ходасевич умер. Оборвались все серебряные нити. Я чувствую опустошённость, тоску, одиночество, ужас. Я на разломе юности, страна на разломе «перехода», мир остановился ногами на трещине, и, кажется, только внятный голос старушки заклинает эту трещину не шириться. Новый Год. Я слишком большой, слишком непонимающий, слишком оглушённый. Что впереди? Бог ли выдаст, Свинья ли съест?

2007-й. Челябинск. Переизбыток ёлок, свинок-сувениров, шоколада и мандаринов. Переизбыток праздника во всех проявлениях — от рекламных скидок до гирлянд с огоньками, которыми украшен каждый прилавок.

Я покупаю подарки. Сделать это трудно. Друзей и близких у меня немало. Хочется подарить им то, чего сам больше всего ждал в детстве, что больше всего оценил и запомнил в юности. Например, просто мандарин, согретый в руке. Или три шоколадных шарика в золотой обёртке. Или пластинку, старую, виниловую, настоящую, с волнистой линией перед кружочком в центре. Или простую парафиновую свечу. Чтобы она сама не была красивой, только горела бы красиво. Или сделать из ваты и сахарной воды неуклюжую игрушку?

Боюсь, они меня не поймут. И я покупаю в подарок то, что принято покупать. Например, сувенирных свинок с пивными кружками в руках.

Я буду встречать год Свиньи в своей квартире с друзьями. Мы станем пить, чокаться, снова пить, играть на куче музыкальных инструментов, потом пойдём гулять на Университетский Остров. И нам будет очень хорошо. Очень хорошо.

Но сумею ли я когда-нибудь с прежней силой ощутить то острое новогоднее отроческое одиночество? Или то пронзительное новогоднее детское бессмертие? Сумею ли почувствовать перемену цикла с обострённой, пронизывающей силой, на которую был когда-то способен?..

30.01.07

Звонит друг и уныло сообщает: «А от меня жена ушла». «С чего бы это?» — спрашиваю. «Да, понимаешь, — говорит, — ей надоело, что я в ванной по утрам громко в раковину сморкаюсь». «Ну, — отвечаю, — а если серьёзно?» «Серьёзно — надоело. Больше ничего не объяснила. Надоели сморкания. И всё».

Встретились мы с ним, выпили как следует. Он не то чтобы обескуражен, но растерян прочно. Четыре года прожили с Веркой душа в душу. Четыре года, конечно, не срок, но всё-таки... «Ты что, долго там сморкаешься?» — спрашиваю. Надо же что-то выяснить, в конце концов. Иначе просто бред получается. Он раздумывает. «Ну, да. У меня крепко нос за ночь забивает. И я утром встаю и там минут двадцать фыркаю. Понятия не имел, что она всё это слушает за дверью». «Может, ты долго ванну занимаешь? Может, ей давно цветы не дарил? Налево ходил? С её родителями повздорил?» «Слушай, — отвечает он, — помнишь Лёшку? Так вот, он шесть лет с женой прожил. И вдруг встречаю

его, он мне показывает пустой безымянный палец. Рассказывает: я маме гладильную доску купил новую, а моя жена вдруг выдала: «Ты шесть лет со мной живёшь, и шесть лет гладильную доску не покупал. А маме купил!» И подала на развод. Как тебе такая история?» «Да фигня всё это, — говорю. — Есть же какие-то другие причины. Настоящие. Скрытые. Серьёзные. Эти доски и сморкания — как последняя капля. Но вода-то уже к краям подошла! Не может быть потопа из-за одной такой капли, честное слово!» «Ты мне не веришь?» — погрустнел друг. «Может, у неё какие-нибудь причины? Может, другого нашла?» «Она честная. Она бы сказала. А тут — сморкаюсь я громко...»

Я стал вспоминать и вдруг припомнил ещё пару случаев. Какой-то приятель моего приятеля не смог жить с любимой, потому что на мыле всё время оставались её волосы. Его просто трясло от этого, а парень с виду совершенно адекватный. Оказывается, только с виду. Ещё одна девушка рассталась со своим героем потому, что, когда она мыла тряпкой пол, согнувшись в три погибели, он пристраивался сзади и шутливо имитировал что-то интимное. Ей бы швабру купить, а она решила от мужа избавиться. Надоели шутки. Когда на неё насели с просьбой назвать более серьёзную причину расставания, она напряглась и вспомнила: а, ещё он постоянно ходит по дому в трусах и любит трусы оттягивать и отпускать, чтобы громкий такой щелчок резинки получился. Вот это и в самом деле лажа. Стоило ли, в самом деле, покупать ради такого белоснежную фату, арендовать ресторан на шестьдесят человек и обмениваться золотыми кольцами под марш Мендельсона?

Помните фильм «Игрушка»? «Увольте этого сотрудника, у него потные руки».

Он каждый день оставляет включенным свет в ванной. Она продолжает класть петрушку в салат, хотя его тошнит

от петрушки. Он не бреется перед сном, и она утром просыпается жутко исколотой. Он курит в туалете, никогда не смывает окурки, никогда не поднимает крышку унитаза. Она не может выносить его запаха. Запаха конкретно этого мужика. Нет, другого мужика у неё нет. И этот мужик хороший. Ничего личного. Запах надоел.

И всё это было бы забавно. Но мне недавно рассказали ещё одну историю. Родители решили отказаться от новорожденного, потому что он появился на свет с заячьей губой. Их упрашивали все. И врачи, и близкие, и даже какие-то чиновники. Говорили, что после операции останется шрамик толщиной в половину ниточки. И всё. Нет — ни в какую. Им, видите ли, нужен абсолютно здоровый и полноценный ребёнок. И они ещё такого родят. Никаких компромиссов. Нужно стремиться к совершенству. Родился с недостатком — будешь жить в детдоме. Ничего личного, просто ты вышел слегка бракованный. Что ж поделать.

Если уж из-за заячьей губы можно от ребёнка отказаться, как же можно терпеть мужа, который купил своей матери гладильную доску?

...Потом, после расставания, нужно срочно придумать какую-нибудь глобальную причину. Мол, у него было две любовницы. А она пила по-чёрному — сколько сил стоило это скрывать! А он распускал руки. А она ненавидела свекровь и пошла к колдуну, чтобы её извести. Пришлось расстаться. Но по правде-то всё дело было в том, что он громко сморкался, а она упорно клала петрушку в салат. Только вспоминать об этом уже как-то неловко.

06.04.07

Заметил тенденцию всё чаще говорить о том, что наша страна потихоньку поднимается с колен. Мол, всё у нас, ребята, уже фактически тип-топ. И жирок накапливаем, и с

деньгами лучше, и вообще, скоро к европейскому уровню приблизимся. То, что этот иллюзион благополучия держится в основном на неиссякающей пока нефти, никого не волнует. Как говорил Райкин, «мы уже почти уже совсем уже». Ведь, в конце концов, младенцы теперь ездят в машинах по западным нормам безопасности! В конце концов, мерзкая сельская школа, наколовшая великую компанию Microsoft, справедливо обесчещена! В конце концов, мы перешли на европейскую телефонную «повременку» и бесплатные входящие — куда уж круче! Полная Европа, простите за каламбур. Мы поднимаемся, становимся цивилизованным миром, утверждают умные ребята с «Эха Москвы», то же пишут колоночки гламурных журналов, продающих диваны за четыре тысячи евро и, конечно, то же говорит власть, которая знает, что иногда во рту становится сладко и от повторения слова «мёд».

Вот живёшь так и вдруг потихоньку начинаешь подумывать: а что, если правда? И уже увереннее начинаешь поглядывать по сторонам. Но тут вдруг твоя мама попадает в государственную больницу на операцию. И тебе нужно проводить её по длинному, серому, облупленному коридору с дёргающимся светом ламп, с неприступными медсёстрами, с цинично пошучивающим врачом, с громом металлических вёдер техничек, с неуютом всё тех же казённых палат, с расшатанными дверями, — и ты уже понимаешь цену всем «медовым» словам. Потому что тебе посчастливилось когда-то в Австрии заходить в госбольницу с мраморными лестницами, фонтаном в холле и озеленёнными лоджиями.

Ишь, чего захотел! Мраморную лестницу… А знаешь ли ты, как живут в нашей стране врачи? Знаю, знаю. Так плохо, что вызывают маму к заведующему практически сразу после операции: у неё ещё не совсем прошла анестезия, перед глазами всё плывёт, а ей уже говорят: «Всё успешно.

Мы так старались, так старались! Вы понимаете, как мы старались? Мы очень обидимся, если эти старания пропадут даром». И даже сумма названа конкретная. Такая сумма, за которую в принципе можно было бы лечь в платную клинику на ту же самую операцию. В клинику с озелёненными лоджиями и чистым бельём в палате.

Конечно, всё нужно было делать по-другому. Конверт требовалось принести сразу, до операции. Так сделала одна женщина из маминой палаты. Медсёстры, как в знаменитом рассказе Зощенко, прибегали к ней по десять раз на дню, температуру измеряли, одеяльце поправляли. Врач беседовал с ней подолгу и доброжелательно. А остальные больные были в немилости.

…Да, я сам работаю в школе. Да, знаю, что такое «добровольные» поборы с родителей. В нищенской системе нельзя без лазеек. Но в школе взнос хотя бы проходит через бухгалтерию. Тебе там хотя бы дают квиток. Эти деньги не просто положат в частный карман. По ним должны будут отчитаться. Если это не ахти какой порядок, то хотя бы его подобие. А тут система иная. Но очень отлаженная. Мне рассказали, что одного больного попросили о денежке прямо на операционном столе. Перед анестезией. Платишь? — Режем. Не платишь? — Иди, гуляй.

И очень хотелось обнаглеть и прийти к слуге Гиппократа отдавать деньги, продемонстрировав журналистские «корочки». И посмотреть, возьмёт деньги или нет. Но вот что изумило… Абсолютно все люди, с которыми обсуждал эту проблему, говорили: да заплати! Да ты что! Да себе дороже! Да перестань выкобениваться! Ты что у нас — самый честный? И даже знакомые врачи сначала морщили лоб, а потом, отводя глаза, говорили: «Ну, не такая уж и большая сумма…» А заканчивалось всё сакраментальной фразой: «Да вспомни, в какой ты стране!..»

И я вспоминал. Всё правильно. Попробуйте-ка прожить в этих ночных вызовах и дежурствах, и потоках больных, и бессонных ночах, и сложных операциях — и всё это за шесть тысяч рублей в месяц! И я не какая-нибудь сволочь, которая не умеет быть благодарной, не заплатит за родную мать, за то, чтобы она была здорова. И остальные заплатят тоже, потому что тоже прекрасно всё понимают. И так будет работать эта система.

Вот только не надо при этом говорить с экранов про наше близкое, светлое европейское будущее, про то, что среднему классу у нас уже прекрасно, а тем, кто ниже, терпимо. И что наука с медициной и образованием постепенно переходят на рыночные рельсы. И что нынешнее поколение советских людей будет жить при капитализме.

Заколебал этот пиар.

08.04.07

По ходу придумал фишку, как прикольно отблагодарить за лечение плохого врача-окулиста: подарить ему вместо коробки конфет коробку пластилина и в ответ на его удивление посетовать: «Ох, не разглядел».

09.04.07

Раз уж начал ворчать, что меня по жизни достало — вот продолжение.

Ужасно заколебали наши разговоры об американском и европейском нудно-тупорылом законопослушании, об их ответственности и щепетильности.

Однажды я проехал в троллейбусе без билета с очень тяжёлыми для себя последствиями. Это случилось в Зальцбурге, лет десять назад. Я был туристом. Решил сходить в казино с двадцатью долларами в кармане, проигрался в прах, денег на обратный билет до отеля не приберёг. Пешком идти было в

лом. Когда в троллейбус зашёл контролёр, я решил прикинуться не говорящим по-немецки веником, но он требовательно отчеканил слово «билет» на всех языках, включая русский. Отвертеться не вышло. Узнав, что билета у меня нет, контролёр потребовал мой загранпаспорт, положил его в карман, предусмотрительно сел рядом (спасибо, наручниками к поручню не приковал) и повёз меня в полицию.

Полицейский участок в Зальцбурге — как в американском фильме. Огромный зал, разделённый мутно-стеклянными перегородками. Сидел в этом зале один только сержант. А чего там, страна законопослушная, работы мало. Сержант меня чуть-чуть напряг, потому что это был здоровенный мужик с совершенной русской мордой, чем-то немного на актёра Пореченкова похож. Правда, вежливо сказал мне типа «Битте, проходите», потом собственноручно (но тоже очень нежно) обшарил мои карманы и выгреб всё, что там было: расчёску и две русских копейки. Контролёр тем временем лопотал ему что-то: мол, гад, на халяву ехал. Отлопотав своё, ушёл. Почесав репу, Пореченков начал допрашивать меня по-немецки, в чём не преуспел. По-английски он не понимал сам.

Штраф за безбилетный проезд в Австрии по тем временам был равен примерно паре сотен долларов. Так что мои несчастные неконвертируемые копейки помочь делу не могли явно.

В итоге сержант включил компьютер и стал искать меня среди набора каких-то жуликоватых морд. Не нашёл. Тогда зашёл на бело-синюю страницу с надписью «INTERPOL», ввёл пароль и сделал запрос. Ответа из Интерпола мы ждали долго, около часа. За окнами сгущалась басурманская ночь. Я всё ждал, что Пореченков предложит мне кофе. Не предложил. Наконец, ответ пришёл. Видимо, следующий: преступника с фамилией «Roubinskii» у них не числится.

Тогда сержант начал вбивать данные с моего паспорта в выскочивший бланк. Отсканировал фотографию, всё как положено. В итоге мои данные ушли в Интерпол. Не знаю, приписал ли он, что нашёл у меня в качестве колющего оружия расчёску.

Потом ему пришлось меня отпустить. Перед прощанием он долго втирал мне что-то. Как я понял, он простил меня в последний раз, потому как он всё время тыкал пальцем в наручники, висевшие на его брюках. Я поклялся ему страшной клятвой уральских пацанов, что больше в австрийском троллейбусе без билета ездить не буду. И честно не буду. Страшно, блин, оказаться «зайцем», когда за тобой приглядывает сам Интерпол.

И вот вчера, после очередной схватки кондуктора с безбилетником в челябинском трамвае (с матом, угрозами, рукоприкладством с обеих сторон, долгими плевками в сторону друг друга) я подумал: а сколько спецотделов «Антизаяц» пришлось бы в нашей стране учредить, если бы мы с каждым безбилетником проделывали австрийскую процедуру? И сколько бы это стоило стране? Уж точно не восемь рублей, которые мы выкладываем за проезд.

Зато какой штраф можно было бы брать за каждую брошенную на тротуар или газон бутылку и сигарету! А за каждый плевок, матерок в общественном месте! А за разрисовывание нашими отпрысками лестничной клетки?!

Государство бы просто не знало, куда деньги девать!

Так вот. Лучше быть богатым снобом и бояться бесплатно проехать в трамвае, чем ехать бедным гопом и гордиться тем, что наорал на кондуктора, и тебе за это ничего не будет.

Да, я хочу остерегаться ездить в русском трамвае без билета! А остерегаюсь только в австрийском.

09.02.07.

В не слишком старые, но всё-таки добрые советские времена работали в одном челябинском НИИ два человека средних лет. И были два этих коллеги непримиримыми оппонентами. Различались у них взгляды на жизнь, политику, а главное — на принципы, технологии и детали работы. А поскольку НИИ занимался разработкой весьма важных по тем временам чертежей, спорили они друг с другом жарко, громко и страстно. Стёкла звенели в институте, женщины зажимали уши, воздух наполнялся грозовыми искрами.

«Ты ничего не понимаешь! Этот угол должен идти по прямой!» «Он не может идти по прямой, потому что здесь трансформатор!» «Да что за бред!» «Ты что, не соображаешь, что тогда заваливается вся система? Нельзя же быть таким тугодудом, Саша!» «У меня гибкое мышление, а у тебя бетонное! Меряем ещё раз!» «Это в корне не верный принцип, чему тебя в школе учили?» «Да тебе нельзя здесь работать! Ты весь институт к регрессу сводишь!» «Да пошёл ты…»

На их батально-трудовые схватки прибегали посмотреть из соседних отделов. Раскрасневшиеся, злые, они били друг друга по рукавам и увлечённо, запальчиво орали друг на друга, склонившись над чертежами.

Но — наступало время перерыва, и они неразлучно спускались в столовку. С момента звонка на обед их поведение разительно менялось. Агрессию будто кто-то выключал; классические Иван Иванович и Иван Никифорович становились другими людьми. Сидя за одним столом, мирно, неторопливо кушали, заботливо осведомлялись друг у друга о здоровье жён и детей, обменивались новостями спорта, при этом ни слова не упоминали о работе. Когда обед заканчивался, они поднимались наверх, и вопли начинались снова.

Они не были друзьями. Они не были врагами. Они были просто коллегами. И, повторюсь, оппонентами. Начальство

давно бы развело их по разным отделам (оба были отличные специалисты), но все надивиться не могли на их мирные перекуры. Трудовые разногласия не переходили на жизнь. Идейная ненависть не отражалась на личных отношениях. Они напоминали двух актёров, которые, согласно роли, смертельно враждуют на сцене, а потом весело и дружно выпивают в гримёрке.

...Когда я смотрю на нынешние телебаталии, где борзые ведущие с заострёнными мордами стравливают политических соперников на одной арене, а Колизей зрителей с азартом улюлюкает, я чувствую новый градус ненависти. Градус таков, что начинает плавиться и оплывать стекло телеэкрана. Нет, эти люди слишком пристрастно плюются в оппонента ядовитой слюной. Здесь и речи нет о ненависти «по службе». Они не разольют за кулисами по рюмочке, вопреки модному нынче мнению, что все политики одним миром мазаны и только для нас устраивают «шоу оппозиций». Это — ненависть серьёзная, закалённая, смертельная, потому что она уже не производственная, а человеческая. Люди, которые поливают друг друга грязью перед выборами, не умеют отличать идейное от личного. Они не станут, словно боксёры, обниматься после раунда. Они заявят: «я с ним рядом ..... не сяду». И это применимо не только к политике. Человек перестаёт быть нам симпатичен, если он расходится с нами во мнениях, или ему не нравятся наши взгляды, или он раскритиковал нас. Поединок идеологий и взглядов то и дело превращается в поединок личностный, и никому уже не запрещается с упоением намекать на склероз, кривые зубы, климакс и родимые пятна оппонента, никому не запрещается кидаться в глаза песком. Это куда интереснее, чем спорить и аргументировать по делу.

Оказывается, у меня тоже полно врагов. Иногда, пользуясь анонимностью, пишут в Сети поразительные, изощрённые гадости. Первым порывом всегда бывает познакомиться

с человеком в реале, пригласить на чай или водку, глянуть в глаза. Потом стыжусь этого порыва. Не сильны во мне гены тех мамонтов из НИИ, а жаль. Хочется писать в ответ что-нибудь язвительное, а потом с садистским наслаждением сладострастно ждать ещё более хамского ответа. И ночью, ворочаясь, заранее обдумывать ответ на этот ответ... и ответ на следующий ответ... и... и... Как сладко, оказывается, ненавидеть ближнего своего. Чур меня.

12.02.2007

К вопросу о жёлтой прессе.

Работал в школе на северо-западе, где коридорах поставлены настоящие живые уголки. Выходишь с урока не в скучный школьный коридор, а в общество карликовых пальм, золотых рыбок и попугаев. Причём попугаи эти что-то бормочут себе под нос, но никто из детей их плохим словам не учит. Свои попугаи, родные ведь. Они уже и при звонке с урока не вздрагивают, степенные такие, толстые. Житуха в довольстве, зрителей на переменах полно, есть кому позировать, надув от гордости грудь.

И вот детишки этих попугаев по графику кормят, поят, развлекают их и меняют им подстилочки. Подстилочками служат газеты.

Подошёл я как-то к клетке, и начал «читать» одну такую подстилочку. А там что ни на есть самые «жёлтые» заголовки из соответствующей газеты: «Паваротти сел задницей на лицо Распутиной», «Моисеев мажет лицо кремом из ослиной мочи», «Глюкоза надула презерватив на глазах у вице-скипера», «В Нальчике найден членисторукий мальчик». И все прочие радости. Содержимое статьи уже можно не рассматривать, и без этого во рту соответствующий привкус.

И — как всегда — у меня сразу этот «киосковый» рефлекс: бедные детки, куда им деваться от этих «членистору-

ких» газет? Даже в процессе безобидной смены «белья» подвернётся якобы невинно эта вездесущая дрянь, настырно полезет в глаза, испачкает руки...

А тут как раз подбегает девочка, маленькая такая, озорная, лет десяти, деловито открывает клеточку и начинает газетки менять. Старые, испачканные в помёте, сминает, бросает в ведёрко, и новые подстилает. А на новых — всё та же радость, типа: «Пугачёва оторвала усы Николаеву», «Пенкин лёг под Майкла Джексона», «Басков подавился правой грудью Лолиты»...

Меняет девочка попугаям газетки, а сама тихонько так бормочет:

— Ну вот, молодцы... Это закакали, а теперь вот новые закакивайте, это всё нужно закакать...

Как на душе посветлело! Очень тонкое педагогическое решение. Вот когда нужно детишкам эти газеты давать, вот для чего эти газеты напечатаны! Чтобы попугаи справляли на них свои естественные потребности. Именно такими должны дети видеть эти заголовки на переменах: украшенные какашками братьев наших меньших! Лишь тогда они будут с младых ногтей знать истинную цену жёлтым папирусам. А птички очень довольны. За них беспокоиться нечего, нехай читают.

22.03.07

В конце зимы наступает пора так называемых «половых» праздников. В наши дни они приобрели чуть ли не идеологическую актуальность. Нынче необходимо чествовать женщину только за то, что она женщина, а мужика — только за то, что он мужик. Ибо эти границы стали в последнее время размываться и подтаивать — не хуже арктических ледников.

Мне только всегда хотелось прилепить ко всему этому ещё и праздник Просто Человека. Ведь это только на первый

взгляд слишком общо. Если существуют дни женские, мужские, родительские, детские — почему бы не вспомнить о том, что их всех объединяет? Вернее — кто...

И вдруг я узнал, что такой праздник уже существует. Вернее, существовал. Кого я только не спрашивал и не пытал, никто не имеет понятия, есть ли этот праздник сегодня. Наверное, нет. А в советское время — был. В Латвии. Не знаю, кто его и зачем придумал, но точно не с идеологической целью — нельзя его было с такой целью придумать.

Узнал я об этом празднике из «Эпифаний» замечательного поэта Иманта Зиедониса.

Весной, незадолго перед восьмым марта, по всей республике тянули люди билеты, разыгрывая удивительную лотерею. Только нескольким доставался счастливый, но получали они на него не машину и квартиру, а право праздновать свой день рождения всенародно. И СМИ объявляли в урочный день, что у такого-то прораба, у такого-то пенсионера, у такого-то водителя сегодня праздник. И отмечался этот праздник в Риге, на большой сцене. Человека приходили поздравлять друзья и родственники, министры и писатели, артисты и музыканты. Приходили, дарили добрые подарки, цветы. А в это время ведущие рассказывали биографию виновника.

Это было нелегко, конечно. Нелегко превратить рядовую, заурядную жизнь в красочный рассказ. Найти в этой жизни то, что было бы интересно другим. И человек-то ведь может оказаться мелкий — дурной работник, склочник, приспособленец — а вот надо, непременно надо отыскать в нём хорошее!

Хорошее в людях куда сложнее отыскивать. В них и достоинства иногда пороками кажутся. Ум — хитростью, приветливость — лицемерием, жизнелюбие — распутством, правдолюбие — желчью. Интересно, почему гораздо реже бывает наоборот, когда пороки представляются достоинствами? По-

тому, наверное, что выражение «розовые очки» — у нас почти ругательство. А вот в тёмных очках расхаживать любим, на соседей глядючи.

Слишком это глупая традиция: только о покойнике говорить хорошо. Значит, надо ждать, пока умрёт? А вот в Латвии с этим не соглашаются. Каждому важно услышать и почувствовать, что живёт он на этом шарике не зря. Что он важен и нужен. И что жизнь его «не напрасна, не случайна». Праздник латвийский был — и человеческим, и человечным. Человека иногда нужно любить за то, что он есть. Это так просто. И так непросто.

Вот почему грустно говорить об этом торжестве в прошедшем времени. Сейчас латвийцам, конечно, не до этого. А нам и подавно. До рядового человека, до его праздников, до его важности и уникальности никому дела нет. За что его любить — просто человека? Гораздо проще женщину. Или ребёнка. Или знаменитого артиста. Или инспектора ГИБДД. Или спонсора. Но — отдельно взятого. Конкретного.

А я бы организовал в нашем городе такой праздник. Hominem quaero. Ищу человека.

22.03.07

В поезде, который на днях вёз меня из Москвы в Челябинск, на двух противоположных от моей полках ехали две женщины. Поневоле мне пришлось наблюдать за ними в течение добрых тридцати шести часов.

На верхней полке ехала особа лет двадцати трёх, с безупречным макияжем, не стёршимся за всё время поездки. Она читала «Космополитэн» и новомодный роман «Духless», изредка громко хмыкая. У неё был инкрустированный драгоценными каменьями сотовый телефон, по которому она звонила на всех станциях друзьям и подружкам. «Леночка, что там было вчера на сэйшене?», «Изабеллочка, как прошло

мероприятие в «Маркштадте?», «Галочка, какие новости в модельном агенстве?», «Ланочка, а ты уже записалась в новый фитнесс-центр?» Один раз она позвонила маме — сказать, чтобы мама кинула ей денег на сотовый.

У неё была огромная прозрачная косметичка с какими-то умопомрачительными кремами, на одной из этикеток я украдкой прочёл «Little Orgasm». Ела она неприличного вида растительные хлопья (судя по всему, жутко дорогие). Ела мало, запивая всё это иностранным диет-питьём из серебристой бутылочки; она очень себя блюла. Правда, брезгливо ходила в тамбур курить тоненькие сигаретки.

Несколько раз препиралась с проводницей: то ей показалось, что та недодала ей сдачу за постель, то проводница както неосторожно задела её ноги на верхней полке. «Кофе носит, а руки грязные», — пробормотала она один раз громко, одновременно слушая плейер в сотовом. Проводница услышала, покраснела до корней волос, но ничего не ответила.

Было явно, что в плацкарте особа едет в первый раз, и всем видом она показывала, какая это досадная случайность. Засыпала она быстро и храпела, будто паровоз — в чём душа держалась? — однако утром резко заметила мне, что всю ночь не смыкала глаз из-за моего храпа. Я бы посоветовал ей набить в уши «Little Orgasm», но не решился: чувствовал к ней симпатию. Она была очень беззащитная, очень стеклянная, очень колючая, а ещё одинокая и гламурненькая. У неё было два удовольствия в жизни: ощущать себя современной и тщательно следить за лишней калорией, прыгнувшей в желудок. Представляю, с каким презрением она взглядывала на мой тяжкий живот, почти свисавший с полки вниз.

На полке пониже ехала другая женщина, по-моему, ровесница первой. Это была крестьянского вида, полная, пышущая жаром и здоровьем Дуняша, «кровь с молоком». Ей не хватало только деревенской косынки на шикарные, неуб-

ранные, свежие волосы. Она говорила, слегка окая, ела сало, яйки и копчёную куру за троих, в свободное время ничего не читала, ничего не слушала, лишь глядела в окно, задумчиво почёсывая костяшки своих больших кулаков. А свободного времени у неё было мало. С ней ехал ребёнок-малютка, девочка, и она кормила девочку роскошной розовой грудью, и успокаивала лёгким ласковым матерком её вопли, и шумно целовала её в щёчки, и меняла ей подгузники, и на ночь, под стук колёс, пела ей колыбельную.

Кстати, именно эта колыбельная страшно бесила верхнюю гламурную попутчицу. Даже вопли ребёнка не действовали на неё так обжигающе. Заслышав эту фальшивую песню, она ворочалась и вращалась на своей верхней полке, как вентилятор. Правда, возражать не решалась.

А деревенская мадонна спокойно и чуть угрюмо восседала на нижней полке, баюкая свою кроху, и по её лицу было видно, что она родит ещё не одну, и всех накормит грудью, отшлёпает, отругает, расцелует, убаюкает, вырастит.

Вот таких двух замечательных женщин мне послала на тридцать шесть часов судьба. И никак я не мог понять, как могут мне нравиться обе — такая пропасть между ними, как между двумя полюсами… Может быть, и «нравиться» здесь не совсем точное слово — я обоим как-то сочувствовал, причём каждой — в контексте её непохожести на попутчицу. Сочувствовал как двум параллельным мирам, которым никогда не суждено по-настоящему встретиться и понять друг друга. А потом подумалось, что лучшей метафоры для моей родины нынче не найти. Вот она, страна крайностей, две полки в поезде, и никакой золотой середины: гламурный, урбанистический вершок и природный, «крестьянский» корешок… И едут куда-то, и едут, такие интересные, такие разные, да плацкарт один…

Но, кстати, я забыл: была же там и третья. Та шестимесячная малютка, Настенька. Вот она-то, может, вырастет и

станет когда-нибудь другой? Совсем другой… И будет похожа на мою страну как-то по-новому: не вкупе с кем-то другим, с иной какой-то крайностью, а сама, в цельности и гармоничности собственной. Одна.

Впрочем, подумал я, и она уже сейчас похожа на мою страну: много пьёт, много кричит, абсолютно бессознательно какает и учится строить глазки соседям.

17.03.07

Когда «Идущие вместе» публично сжигали и рвали книги Сорокина перед Большим театром, мотивируя, что эти произведения «безнравственные и разлагающие», они и представить себе не могли, что бороться можно по-другому — куда более эффективно, а главное, тайно, чтобы не пиарить скандальную литературу.

Вчера я узнал, что в нашем городе существует секретная организация, которая борется с вредными, на её взгляд, книгами гораздо результативнее.

В организацию входят молодые люди примерно до двадцати пять лет, книжники и интеллектуалы, прекрасно знакомые с тонкостями библиотечного дела. Принцип их работы проще пареной репы, но весьма и весьма действенен.

Молодой человек приходит в библиотеку и просит… ну, скажем, «Майн Кампф» Гитлера. Или какое-нибудь научное издание, по которому можно легко научиться делать самопальную взрывчатку. Или, на худой конец, книгу, где подробно рассказывается о кайфе, получаемом от разных видов наркотиков. Сейчас навалом такой литературы — якобы научной, якобы художественной, а на самом деле хитроумно пропагандирующей радости наркоманской жизни.

По мнению молодого человека, такие книги опасны для разума и здоровья большинства населения. Оставим вопрос о его моральном праве решать за других. Всё очень просто.

Через какое-то время он приносит книгу назад, хитро сменив на ней каталожный номер. Когда библиотекарь ставит книгу обратно на полку, он не сверяется с номером в картотеке. И убирает книгу совсем на другой стеллаж, который ему подсказывает новая фальшивая цифра.

Вот, собственно, и всё. Вышеозначенную книгу найти после этого не-воз-мож-но. Например, в «публичке» по самым скромным подсчётам десять миллионов книг. Если книга поставлена в другое место, считай, она потеряна. Никто её больше найти не сможет.

Старая поговорка: лист лучше всего спрятать в лесу.

В организации всего несколько человек. Но «спрятали» в главной городской библиотеке они уже немало изданий. Даже если обнаружить ту или иную потерю, чтобы найти вышеозначенную книгу, нужно будет немало перерыть — и всё ручками. А с общим количеством книг на это может уйти не один месяц.

А теперь о моральном праве. Да, я понимаю, что никто не имеет позволения за меня решать, что мне читать, а что нет. И что у нас демократия (читай: вседозволенность). И что какие-нибудь дурачки могут окрестить вышеупомянутые действия произволом и культурным третированием. Потому что каждый должен иметь возможность ознакомиться с сочинениями Муссолини, творениями сектантов и воспевателями сексуальных перверсий, путеводителям по самым конопляным местам Евразии и потенциальными пособиями для террористов. В умных книгах можно найти немало полезного. Причём очень разным людям.

Да, я всё это понимаю. Но — ничего не могу с собой поделать. Эти ребята мне симпатичны. Мне кажется, что они своими силами вносят мизерную лепту в спасение нашего мира. И, несмотря на смехотворность и даже наивность этой лепты, она является своего рода поступком. Эти люди идеалисты, максималисты и просто романтики; но они верят в ценностную нравственную вертикаль. Они не считают, что всё должно быть равно доступным и равно оцениваемым, равно полезным и равно имеющим право на абсолютно свободное существование.

Не надо ничего рвать, сжигать, запрещать. Это только возводит книгу в ореол «мученицы», пробуждает к ней интерес. Дурные книжки надо незаметно прятать среди хороших. Потому что хороших книг всё-таки намного, намного больше.

14.04.07

На днях меня спросили, где бы я хотел умереть. В смысле — в родной, но грязной России или на далёкой, но чистой чужбине? На плохо вымытой простыночке местной больницы, под родной матерок врачей? Или на идеально чистом белье персональной палаты, в окружении чужих лиц и чужой аккуратной речи?

К слову сказать, бельё там действительно идеальное. Если на нём появляется хоть малейшее пятнышко — чая, крови или микстуры — его тут же меняют на другой комплект, вместе с наволочкой и полотенцем.

Моей знакомой «посчастливилось» побывать в онкологии в Австрии. Её опухоль оказалась доброкачественной. Опухоль её соседки — нет. Как только соседке сообщили результаты обследования, к ней сразу пришли сначала два штатных психолога, потом монахиня, потом специальная тётенька из общества неизлечимо больных. «Добро пожаловать в наш клуб». У них там правило: ни на минуту не оставлять в покое людей, узнавших страшную новость. Чтобы не зациклились. Не приуныли. Не вспомнили о страшном смысле смерти и не менее страшном — жизни. В общем, всё правильно и гуманно.

А потом, рассказывает моя знакомая, для этих безнадёжных начинается так называемый коридор онкологии. Очень аккуратный, благопристойный, тихий. Представьте длинный коридор с двумя рядами палат. В его конце — выход в морг. А в палатах лежат люди с разной степенью тяжести. В начале коридора — кому ещё не так плохо. А чем дальше — тем хуже и хуже.

И, когда у человека начинается очередной приступ, очередное ухудшение, ему вкалывают успокоительно-усыпляющее, а затем опрятно берут и перекладывают в палату, которая чуть дальше по коридору. И он, очнувшись, понимает: ещё на шаг приблизился к финалу. И вот так, почти каждый раз теряя сознание, он оказывается в другой палате. И чувствует, несмотря на мягкие тапки медсестёр, на безупречную плавность каталок, на запах фруктов, перебивающий дух медикаментов, на свежее бельё и ковры, — что эта последовательность неумолимо ведёт его туда, куда он идти не хочет.

И потом — последняя комната перед выходом из коридора. Хотя ему никто ни о чём не говорит, он понимает, очнувшись, что следующей палаты не будет. Стены тут обиты мягким, за ширмочкой дежурят, родным уже разрешается приходить круглые сутки.

Но когда я думаю об этой чистой, аккуратной, ухоженной, корректной смерти, об этой смене кругов райского ада, рассчитанных как по часам, об этом всеобщем понимающем молчании, под которое больного на бархатной каталке медленно и дифференцированно перекладывают во всё более «безнадёжные» палаты, меня охватывает суеверный, панический ужас. Есть в этом что-то от «канцеляристки-смерти» Арсения Тарковского — бюрократки, устало и казённо подписывающей в небесные чертоги очередного «клиента». Что-то неживое, почти нечеловеческое, проступает в неумолимом расписании заранее намеченного маршрута. Всё уже спланировано, он никогда не проделает этот путь по коридору назад. И он это знает.

Я не утверждаю — Боже упаси — что в нашей больнице умирать приятнее. Наверное, я хочу просто ответить на вопрос. Мне безразлично, где это случится. Я не понимаю, что такое «умирать в достойных условиях». Думаю, везде будет неважнецки, потому что смерть сдирает все покровы. И непреклонность расписания, аккуратность персонала только обостряют чувство ухода. А качество простынок, боюсь, не будет в этот момент определяющим фактором уровня жизни (смерти). Какая разница — обшарпанная совковая палата или приятная европейская?

В самом начале жутких девяностых некоторые старики в России заказывали себе гробы при жизни, боясь, что после смерти их не удосужатся достойно похоронить. Эти гробы стояли у них прямо в квартирах. Некоторые в них спали. И кто-то из них комментировал: «Ну и что вы морщитесь? Проще надо ко всему этому относиться!» А мне всегда хотелось ответить: «Действительно! Проще к этому надо относиться! Зачем так носиться со своей смертью ещё при жизни?..»

...Моя прабабушка, Валентина Александровна Князева, умершая на сто втором году, видела перед уходом уфимский сад своего детства, газоны и цветники, считала ступеньки перед входом на террасу отцовского дома, вспоминала, где растут у них яблони, где вишни, какая рыба водится в пруду. Дом моего прапрадеда в Уфе давно сломан, с той поры прошёл целый век, а она видела всё с чёткостью фотокарточки и даже рассказывала об этом нам. Думаю, она сейчас в этом саду.

Может, я ещё чего-то не понимаю в жизни и смерти, но мне всё равно, в какую палату, в какой гроб, в какую землю и с какой надписью на плите.

Мне не всё равно, в каком саду я окажусь.

16.04.07

И снова об экзаменах и выпускниках.

Знакомая учительница жалуется. В большой и славной школе, где она преподаёт русский и литературу, учеников изо всех сил тянут на золотые и серебряные медали.

— У ученика по всем предметам — пять, а по моему, скажем, четыре. И сначала меня приходит уговаривать его мама с конфетами. Потом папа с конвертиком. Потом уже поднимается родительский комитет. Потом коллеги-учителя говорят: да поставь ты ему «отлично»! А я им: он ни одного произведения из программы 11-го класса не читал, как я ему «пять» поставлю?

— Позвольте! А как же он у вас «четыре» имел, если ничего не читал?

— А... ну что... мальчик славненький... Краткое содержание Достоевского мне рассказывал — из специальной книжки. Зачем я буду с ними на конфликт идти?..

Если не успевает, скажем, по химии, тоже будут тянуть. Хотя не факт, что он знает даже периодическую систему Менделеева. Зададут простой вопрос: формула воды. И всё. Ставят пять. Как школу без медалистов оставлять? Опять же статистика на высоте. Районы соревнуются, области соревнуются, субъекты Федерации соревнуются, у кого «золотых» детишек больше, а вы тут лезете с Достоевским и Менделеевым...

Количество медалистов увеличивается, а качество знаний уменьшается — почти пропорционально. Зато — какие амбиции у детишек!

— Если более пяти человек в классе получили тройки по одной теме, они катают на меня «телегу» директору, что я плохой учитель и дурно объяснила им тему. Причём письмо подписывают все дети и родители, — говорит другая учительница. — Такая в нашей школе традиция. Двойки мы им

вообще боимся ставить. Ужасно развитые и подкованные граждане...

Времена Павлика Морозова никуда не ушли, и недаром его физиономия венчает аллею пионеров-героев на нашем Алом Поле. Только Павлуша своего отца сдал «за дело», это был для него по тем временам принципиальный вопрос. А вот чада и их родители подставляют хорошего педагога просто так, мстя ему за свою лень и недалёкость.

Вот раньше я думал, мол, жизнь покажет, кто настоящий медалист, а кто — нет. Ничего жизнь не покажет. Если в школе можно правдами и неправдами уговорить, подкупить, запугать учителя, чтобы тот поставил отметку выше, то же будет происходить и в дальнейшей жизни. Учителя как раз менее сговорчивая «прослойка», они принципиальнее. А с другими всегда можно договориться — теми же методами.

Давно думаю вот о чём. Зачем давать ребёнку медаль за успеваемость именно по всем предметам и областям? Ну, редко же, очень редко бывает так, чтобы юноша было абсолютным гением одновременно и в физкультуре, и в истории, и в физике, и в иностранном языке. Не очень верится в эту тотальную одарённость по всем направлениям. Недаром Пушкину учитель математики говорил со вздохом: «Садитесь-ка лучше на место и пишите свои стихи». Зачем же, насилуя себя, пытаться быть первым на всех фронтах? Здесь неминуема натяжка — по тем предметам, которые ученику не вполне интересны или просто даются хуже других.

А вот давать бы лучше медаль за целеустремлённые и глубокие отличия в излюбленном предмете. Поощрять углубленное изучение этого предмета, и не в специальных школах, а в любых. Корпеть с учеником над тем, что приносит радость открытия, а не формальное удовлетворение. Награждать медалью не по «общей программе», а индивидуально, по тому курсу, к которому ребёнок проявляет интерес и

страсть. Ибо, «велики только те вещи, которые делаются со страстью». И тогда отпадут проблемы собирания малины в аттестат по всем предметам. Юный человек сосредоточится на чём-то одном, чтобы «просиять» в этом одном, зато как просиять!

— А ставить «отлично» ни за что...

— Да пожалуйста, — говорит педагог, — я поставлю. Мне не жалко. Их же будет потом совесть мучить.

А не будет. Совесть замолчит, когда на них красивые медальки наденут. Грех пренебречь медальками, если система позволяет.

04.05.07

Оптимистом я стал, прочтя в юношестве «Один день Ивана Денисовича».

Была золотая осень в Москве, Тверской бульвар весь в жёлтом и красном, синее ясное небо. Я сидел на лавочке, всё глубже вгрызаясь в книгу, и погружался в объективный ужас, спускался в ад земной, который проходили люди каких-то полвека назад.

Прочтя всё, я с облегчением поднял голову. Мимо шли чудесные девушки, бегали за голубями разноцветные малыши, задумчивый гранитный Есенин разглядывал пиршество цветов на газонах. Солнце грело по-барски. В этот момент я навсегда стал жизнелюбом. После прочитанного у Солженицына я ощутил себя таким счастливым, свободным и богатым, каким не ощущал никогда. Эти жуткие «лагерные» восемьдесят страниц выжали, перевернули, проехались по мне, а потом заново наполнили жизнью: цени настоящее, вдыхай полной грудью, радуйся.

...Недавно я встретил отъявленного, стопроцентного пессимиста. Это был спокойно-циничный, а местами даже радостный тип (впрочем, от его веселья мурашки ползли по позвоночнику). Он последовательно и спокойно опроверг «заблуждения» о природной всесильности добра и ущербности зла, объяснил абсурдность понятия «надежда» и с математической точностью спрогнозировал смерть человечества максимум через двенадцать лет от одного из двадцати трёх возможных несчастий и катаклизмов.

Мне стало интересно: какова настольная книга этого человека? Оказалось, томик «Законов Мерфи».

Я слыхал раньше об этом Мерфи — американском инженере, который работал в авиации. Техники неправильно смонтировали ему какую-то установку. И он в сердцах обронил — мол, если существует способ сделать что-то неправильно, кто-нибудь изберёт именно этот способ. Ну, понятно, мужичок был в тот момент в запале. Но его фраза показалась окружающим чрезвычайно удачной. Ещё бы, любая оплошность и несообразность легко объяснялась неким... ну, назовём это для точности ФАКом — Фатальной Аксиомой Каверзности, или законом подлости человеческого бытия, по которому движется всё вокруг.

Собственно, Мерфи не придумал ничего нового: закон бутерброда, падающего маслом вниз, свидетельствует о том же вселенском сволочизме. Но наш инженер, а затем и его последователи, возвели этот закон в ранг универсума. Всё, что может случиться плохого, обязательно произойдёт. Из всех вариантов сыграет максимально отвратительный. Всё, что случается с тобой, случается назло тебе. Не веришь?..

Поскольку тема была плодовитая, куча последователей Мерфи стала строчить свои законы. Тысячи неудачников с наслаждением замечали все неприятности, происходящие с ними, и дописывали их под законом Мерфи. Стоит стюардессе разнести кофе, самолёт начинает вибрировать. Зубная боль всегда начинается в ночь на субботу. Особенно удачные фотоснимки делаются при закрытом объективе. И вообще.

Всё, что хорошо начинается, кончается плохо. Всё, что начинается плохо, кончается ещё хуже. Бога, конечно, нет, а если он и существует — то он жестокий и бесчеловечный шутник, который снимает кино по максимально отвратительному сценарию. Хэппи-энда не будет.

Постепенно мироощущение Мерфи и компании просачивается в мозг. И ты начинаешь воспринимать сам факт жизни, как колоссальную подлянку. Помните, как в «Невезучих» герой Ришара сел на единственный сломанный стул из тридцати? Последователи Мерфи серьёзно верят, что, если одно из десяти яиц протухло, именно его мы и разобьём для праздничного торта. По Мерфи, каждый смертный — природный «невезучий». Так задумано. Собственно, в этом банальном утверждении Мерфи противоположен другому цинику — Дейлу Карнеги, который даёт неудачникам глупую, но веру. Если даже всё ужасно, делай вид, что всё о'кей, — говорит Карнеги. Если даже всё о'кей, знай: на самом деле — всё ужасно, — хихикают Мерфи и компания. Под голубым, уютным ковшом неба — чёрный, враждебный космос, полный хаоса, холода и пустоты. И этот космос — истинная правда жизни, а голубое солнечное небо — нет. Небо — прикрытие, бутафория, чтобы дураки не испугались. Но мы-то с вами разумеем, подмигивает Мерфи, в чём подлинная истина. В бесчеловечности, враждебности, в беспорядочном метании материи, в бессмысленно скалящемся солнце и несущихся в пустоте метеоритах. Один обязательно угодит в нас, вот увидите.

…Можно думать, что всё гораздо проще: вульгарная и плоская наука ФАКа сляпана специально для посредственных клерков, чтобы иронично утешать их в неудачах. Пусть так. Дело в ином. «Мерфология» реально делают человека циником и пессимистом, каких свет не видывал. Человек перестаёт замечать светлое. Он начинает верить во всесильность худшего; и эта вера гораздо страшнее уныния — первого смертного греха.

Человек «подсаживается» на деструктивное видение мира — в этом Мерфи страшнее морфия. Его сторонник всегда видит стакан наполовину пустым, а процесс существования представляет как вечное умирание, а не вечное возрождение. Ивану Денисовичу, хлебнувшему в жизни куда более крутых вещей, чем поломка офисного факса, подобная чернуха и не снилась. Поэтому он мог выживать в настоящем аду. Ему никто не говорил: «Ты видишь, как всё плохо? Вот это и есть правда. А те крупицы, которые кажутся тебе хорошими и радостными — это враньё. Это временно».

Опровергнуть Мерфи проще простого. Я это делал неоднократно. Например, стоя на трамвайной остановке, специально замечал, сколько раз трамвай приходил первым в мою сторону и сколько раз — в противоположную. Так вот, в мою сторону всегда приходит на порядок чаще. Процентов так на двадцать.

Потому что мир не подл и не глуп, как кажется некоторым неблагодарным горемыкам. Мир разумен, тонок и незаметно симпатизирует нам. Именно незаметно — так, чтобы мы могли почувствовать эту скромную благосклонность сердцем.

08.05.07

Не успел поразмыслить о Мерфи, как неожиданно получил повод к продолжению размышлений о разных взглядах на мир: благодатном и безблагодатном.

Побывал впервые в жизни в детском доме.

Моего самого главного впечатления от посещения долго не мог сформулировать. Помимо естественной печали, от знакомства с местными детьми осталось неясное светлое ощущение. Только сейчас я могу причину этого ощущения выявить и обозначить для себя словами.

Произошло это тогда, когда одна из моих восьмиклассниц в школе, где я работаю, закатила глаза и стала рассказы-

вать, как её всё достало, как ей тоскливо жить, потому что про жизнь уже всё понятно. Девочка из небогатой семьи, но весьма избалованная, — у неё одни из тех родителей, что вывернутся, но дадут своему ребёнку всё и даже немного больше, чем следует. Она уже была и на Кипре, и в Америке, и где-то в Европе, она уже, видите ли, успела влюбиться и разлюбить, прочла много книг и даже сама пописывает стишки, впрочем, ни на какой проблеск таланта не претендуя. В каждом её слове и движении сквозят такое пресыщение, такая невыносимая скука, такое отсутствие воздуха и вообще желания, что диву даёшься, глядя в её безучастные глаза. Она могла бы стать идеальной буддисткой, если бы не её тоскливая хмарь, — любая религия, по-моему, это всё-таки отсутствие тоски, кроме, разумеется, деятельной и ищущей тоски по идеалу.

Вот этого пессимизма, этого тупика в глазах детдомовских детей нет, а ещё там, оказывается, вопреки расхожему мнению, нет загнанности. Загнанность — удел балованных подростков, которые ничего в жизни не испытали, и потому думают, что знают о ней всё.

Недавно к нам приезжал самодеятельный школьный театр из области, в котором играют дети-инвалиды. Такого света, такого позитива я давно не испытывал. Они счастливы, выходя на сцену. Счастливы, одаривая зрителя. В каждом их слове и жесте сквозит неподдельное: нам хорошо, и мы хотим, чтобы вам тоже было хорошо.

Я знаю одного тяжёлого инвалида с рождения, который прикован к коляске. Страшно сознавать свою обречённость, страшно каждый день, каждый миг бороться с плотным, вязким кольцом тьмы, обступающим со всех сторон. Этот человек пишет потрясающие стихи — даже не по качеству, а по обилию в них света, облаков, солнечных зайчиков, блаженной увлечённости жизнью. Легко было бы усмотреть в этом

некое спасительное лицемерие; но это всё — искренняя, абсолютная правда. Этот человек больше знает о жизни, чем мы, гуляющие в зайчиках и облаках с пасмурными рожами, потому что ботинок натёр нам мозоль. Нас надо посадить в инвалидную коляску и отнять у нас самое дорогое, вот тогда мы, годика через три-четыре, может быть, научимся улыбаться.

То, что я пишу сейчас — весьма жестокие вещи, но для тех людей, о которых я пишу, они по-своему спасительны, потому что сохраняют их глаза незамутнёнными, а душу — отзывающейся на каждый луч. Они никогда не скажут: нам всё про эту жизнь понятно. Всё понятно благополучным европейцам, которые в высокоразвитых странах сигают из окон, чтобы покончить жизнь самоубийством — зачем жить, когда такая тоска и скука. А детям-сиротам понятно не всё. У них есть повод уповать на лучшее. Есть повод ценить жалкие крохи тепла, которые им иногда перепадают от воспитателей. Если нянечка нагнулась и обняла такого ребёнка, его день прожит не зря, он счастлив.

Думаю, он знает о правде жизни куда больше, чем мы.

По-моему, это сказал Кафка — «только у тех, кто побывал в аду, могут быть такие нежные голоса». Добавлю: и глаза, и лица. Расти, верить, надеяться — всё это даётся им с непростым усилием. Но это усилие и делает их в итоге людьми.

12.05.07

И вот, наконец, брызнуло зелёным из всех веточек, почечек, завязей, узелков, — нежные, липкие, клейкие листики, вмиг приодевшие обалдевший город, который так долго ждал и надеялся. Вот, наконец, несмотря на холодное начало мая, заиграла ветром чистая, ласковая зелень — неужели опять это к нам пришло, неужели снова есть надежда, что всё будет солнечно, неужели нас ещё будут баловать?

Самые голые, кривые, чёрные ветки покрылись зелёным пушком, приоделись, и полезла очумевшая трава навстречу неяркому солнцу везде, где не успели положить асфальт и плитку. Весна! Весна! Почти лето! Иду вдоль большой и мрачной производственной трубы, тянущейся вдоль гаражей на ЧТЗ, и даже труба выглядит как-то по-праздничному грязно. И читаю на её толстом теле — торжеством зелени уже закрываемую, серой краской намазанную каких-нибудь одиннадцать лет назад надпись: «ВМЕСТО ПЬЯНОГО ВЫБЕРЕМ ЗЮГАНОВА!»

Ах ты, Господи Боже мой, насколько же мы глупее мурашей, ползущих вдоль трубы по своим весенним делам. И мысли у нас короче, чем у буратинки, и интересы такие плоские, такие недалёкие, такие конкретные. Вот уже ушёл первый президент нашей страны, в политической жизни произошёл миллион перемен, многие простили друг другу грехи, а потом снова перегрызлись — и на фоне этой скоротечности особенно странными выглядят две вещи. Первая — убогость и сиюминутность всех доморощенных деклараций, серой краской писанных на трубах, стенах да и кумачах тоже. А вторая — свежий восторг новой весны, возродившейся зелени, мудрый повторяющийся цикл природы, который мы никак повторить в своих идеологических метаниях и стенаниях не можем.

Выберем Зюганова. Или не Зюганова. Главное, правильно выбрать. И как же сразу завтра нам лучше станет жить. Хлеб будет гораздо вкуснее. И серебряные плавленые сырки тоже. И ветки будут покрываться другими листочками. Куда более чистыми, яркими и ароматными. И люди, люди станут добрее. Прямо завтра проснёмся добрые. И обязательно — с завтрашнего дня, если победит ЭТОТ, а не ТОТ, станут нами править ЭТИ, а не ТЕ — будем водить детей в зоопарк по воскресеньям. И сделаем, наконец, ремонт в ванной. И позвоним родителям. И сходим вместе с женой на какой-нибудь хороший концерт, оторвавшись от телевизионного (или компьютерного) ящика. И увидим, наконец, какая офигительная весенняя зелень за окнами. И вообще!!!

Мешает ведь пока всё это сделать только треклятая политика, все её представители — пьяные, трезвые, носатые, глазастые, губастые, брылястые, брутальные, лысые, с родинками.

Так вот идёшь вдоль весны, вдоль солнышка, вдоль зелени, и вздрогнешь: машина времени! Июль, 1996. «Вместо пьяного...» Окстись, окстись, где ты? Уже одиннадцать лет прошло, что же ты остановился и уставился на эту трубопись? Даже сама проржавевшая труба в сто раз долговечнее смысла этой однодневной надписи. Ты бы ещё в старых газетах для растопки порылся на веранде чьей-нибудь дачи. Чего стоишь и думаешь? О времени, которое быстро бежит?

А бежит ли? Смотри, всё на месте. Клейкие ярко-зелёные листики, и запах прелой земли, и щебет птах, и подснежник. Бежим мы — торопимся изо всех сил. Бежим мимо времени, которое медленно движется по кругу, как часовая стрелка. Вот она какая, машина времени. Всё всегда на месте. Только мы не на месте. Нас всегда не застать.

Весна, ребята. Давайте простим всех, кто ещё на земле и уже под землёй, кто нас обманывал и кто говорил нам правду, кто вёл нас верной дорогой, а кто не совсем. Мы мало знаем о верных и неверных дорогах. Всех нас объединяет только одно: солнечный, счастливый «выпрямительный вздох», когда мы выходим майским утром на улицу и видим первую зелень на ветках. В этой радости мы все равновелики. Эта радость повторяется для нас раз семьдесят—восемьдесят в жизни. Всё остальное не повторится никогда, и слава Богу.

13.05.07

Тут всех повело на размышлизмы в духе — какая гнилая культурная ситуация в провинции нашей.

Я очень люблю правдивую притчу про питерского водопроводчика, который в октябрьские дни 1917 года остался один на всей водопроводной системе города. Все разбежались, а он остался. И в городе была вода в дни разрухи и безвременья. Люди этого, конечно не замечали: воду замечаешь, как и воздух, когда они отсутствуют. Питер — город болотный, больной, приди система водоснабжения в упадок, вымер бы за три дня от какой-нибудь чумки. И без того трупы тогда валялись на улицах кучами.

Тот водопроводчик очень хорошо понимал это. И он делал своё дело. Не кричал, не скулил, не пытался «наш, новый» мир построить, не убегал, не прятался. Потом его, кстати, расстреляли — во всяком случае, так гласит апокриф. Ещё бы, водичку-то пили не только красные, но и белые…

Нашей провинциальной культуре не хватает добротных водопроводчиков. Есть любители перфомансов. Есть крикуны. Есть те, кто при первом удобном случае сбегает в столицу, чтобы там унавоживать почву. А вот водопроводчиков нет. Такие люди обычно делают свою работу не для красных, не для белых, не для критиков, не для толпы, не для элиты, не для себя — они её просто ДЕЛАЮТ. Играют «не из денег, а только б вечность проводить».

Сколько суетных и не очень людей работают на самоподзаводе потенциальной славы, потому что это великий наркотик — когда есть кому тебя слушать и есть кому тебя смотреть. Гораздо труднее втирать локтями вар и в глубине души понимать, что мало кому нужен. Кроме Бога.

Овидий писал свои «Письма с понта», может быть, тоже только Ему. И Фрост взывал из глубины лесов к Нему. Из

одиночества. И святые слагали молитвы не ради того, чтобы их слушал кто-то, кроме Него.

Любимый многими Бродский в конце жизни (когда его стихи становились всё малопонятнее «массам»), говорил, что поэт истончает свой стих, обращаясь к концу жизни уже к одному Демиургу; и почти один Демиург понимает его, потому что каждый человек индивидуален, потому что для другого смертного твоя «мысль изреченная есть ложь».

У кого есть вера, тот будет будить ветер, независимо, повёрнуты чьи-то носы в его сторону или нет. Будет сидеть под своей настольной лампой и сочинять. Или просто читать мудрые книги: в наше время и это почти подвиг. А атмосфера — что атмосфера? Не намолено у нас искусством. И город рабочих и крестьян, и читают-то они «Телесемь». Никакого, понимаете, культурного слоя, ага? А в столице вон москвитяне в собственные музеи не ходят, зато Басков собирает по десять концертов в месяц, и фуршеты их культурные — позорище, такой силикон напоказ, с гетерами, купающимися в шампанском — наглая, сладкая роскошь форм вполне компенсирует заведомую ветхость содержания. И вообще там современное искусство — тоже либо перфоманс, либо пародия, либо и то, и другое. Ну, есть ещё удобное и плоское, как доска для резки картофеля — массовое, которое «делает нам красиво». А уж пройдите мимо Храма Лужка Строителя — вот это «атмосфера», вот это давление и «высокий дух» — имени скромного деда Зураба.

Но есть там такие же единицы, ну, хорошо, десятки, которые помнят, и знают, и созидают молча, — и когда им случаем дают «Золотые Маски», как Женовачу, например, чуть удивлённо и растерянно смотрят в зал, помаргивая почти испуганно: что вы, мы ж не для этого…

Я полагаю, что человек, который кричит, что искусство — это святое (надрывный интеллигент) и человек, который тра-

гически декларирует, что искусство умерло и никому не нужно (унывный интеллигент) суть одного поля ягоды.

Они вне процесса.

Движение задаёт тот, кто делает дело. У него нет времени отряхнуть опилки с плеч и вытереть краску с рук. Он не думает о собственных тиражах. Ему всё равно, на какой стороне Земли он находится и в какой провинциальной канаве живёт. Он просто знает: до неба отовсюду одинаково. И те, кто умывается по утрам, слишком привыкли к льющейся из крана воде, чтобы его за неё благодарить.

02.06.07

Становится модным играть в аскетизм. Скромность на грани бедности стала считаться стильной. Хороший тон. Те, кто реально живут за чертой бедности, могут не волноваться. Для них это не игра. А вот среди тех, кто накопил на боках мясца — игра. И приятная.

Помнится, в столице художники-авангардисты делали перфоманс. Посреди выставочного зала размещался реальный бомж. Вонючий, грязный и заросший. По замыслу авторов он должен был жадно жрать консервы, пока публика гуляла по залу. Рядом табличка: «БОМЖ». Простенько и со вкусом, зато какой культурный шок! Так нет, чтобы пригласить на эту роль реального бомжа. Накормить, напоить и пригреть. А что? Бомжу всё равно, лишь бы поесть хорошо дали, пусть хоть весь мир на него глазеет. Тем более, бомжей в Москве полно. За ними в Москву — как за песком в Сахару.

Но на роль бомжа наняли профессионального актёра. Переодели. Вываляли в грязи. И он на глазах у почтенной публики давился дешёвыми консервами, с тоской вспоминая о горячем домашнем ужине. Да ещё денег ему за это приплатили.

Вот такая закавыка. Добро бы, хоть бомжа накормили ребята. Хоть чем-то было бы полезным их пробирочное «искусство». Но они и тут предпочли туфту, «липу», симулякр.

Такие же игры в «отшельничество», «бедность», «нужду» предлагают нам развлекательные телеканалы. Поиграй в голод! В жизнь на необитаемом острове! Почувствуй себя нуждающимся! Это всё понарошку. На самом деле, ты известный, сытый и заработаешь на этом пару миллионов.

Зачем все эти искусственные студии со стеклянными перегородками? Знойные южные острова с убийственно красивыми попугаями и несъедобными на русский вкус кокосами? Тщательно спланированные экстремальные ситуации? И это «реалити»? Да вся их реальность насквозь ирреальна, фальшива, постановочна и высосана из среднего пальца.

Возьмите этих гламурных девиц на шпильках, с ногами растущими из коренного зуба. Возьмите этих среднеполых изнеженных мальчиков, чья кожа блестит от косметики. Забросьте их в сибирскую тайгу. В реальную тайгу. И заставьте в тайге построить «Дом-2». Не надо Ксюши Собчак. В тайге есть комары, рыси и бурозубки. В совокупности почти Ксюша. И вот пусть все эти молодые мальчики и девочки не лениво лежат на помятых студийных кроватях, почитывая «Космополитэн» и обсуждая в эфире свои интрижки, а помогают какой-нибудь столетней сибирской бабушке из села на пять домов вскапывать огород, доить козу, строить баньку и починять печку. Думаю, они перестанут пользоваться бесцветным кремом для ногтей уже на второй день.

И не надо никого каждый раз отсеивать. Сами убегут. Останется самый стойкий. Последний герой. Вот это будет настоящая нужда! Истинная аскетика! Подлинная экстремальная ситуация — особенно для этих, как их... метросексуалов. И — реальная помощь селу.

Утилитарно? Вульгарно? Грубо? Да, но хоть какая-то польза должна быть от этих перфомансов и сериалов? Если не духовная, эстетическая, воспитательная — то хотя бы реальная, шкурная.

Зачем ездить в Таиланд, чтобы похудеть на двадцать кило на спецмассажах и элитных диетах? Затем, чтобы сыграть зэка в собственном фильме. Зачем приглашать дизайнера за бешеные бабки? Чтобы он спроектировал в офисе «скромный, аскетический, непритязательный стиль». Как дорого стала даваться бедность. Как жирно стала даваться худоба. За какие непростые деньги стала покупаться простота.

Проще, проще надо быть, господа.

09.06.07

Ребята в Екатеринбурге акцию придумали: на центральной площади принародно разбить телевизор. Лозунг этой акции не помню, но общий смысл и пафос, как всегда, примерно такой: «а не фиг!» У самой агрессивной молодёжи общий смысл всегда примерно такой. Они под это дело и витрины рушат, и секс-парады устраивают, и телевизоры разбивают... «Что поделать — молодёжь, не задушишь, не убьёшь». Но, поскольку идеологическая составляющая акции не должна была сильно провисать, заказали какому-то дяденьке написать бумажку о мировоззренческой сути выходки. И дяденька написал что-то вроде: «Мы разбиваем телевизор не просто так! Мы разбиваем его потому, что нам надоела продажность современного телевидения! Всё пропиарено, проплачено и куплено! Никакой правды! Телевидение поливает нас с экрана настоящим отстоем! Разбивайте свои телевизоры вместе с нами!»

Дяденька был дошлый. Дали бы ему задание о разбитии холодильника или стиральной машины — написал бы, не моргнув.

Чем там закончилось у них дело, разбили или нет, не знаю. Но мне захотелось пофантазировать на тему — как всё это развернётся и чем закончится.

...За три дня до акции в штаб-квартире движения «За разбитый телевизор» раздаётся звонок. Звонят из представительства одной крупной компании, производящей бытовую электронику, в том числе, и телевизоры. И ненавязчиво интересуются: а какой марки телевизор будут разбивать?

Секретарь, юноша бледный со взором горящим, затрудняется ответить. Тогда на том конце трубки вкрадчиво спрашивают: «А вы не могли бы разбить телевизор фирмы... (называется фирма конкурента)?»

Телевизор для разбития обещают предоставить. Кроме того, сулят спонсировать акцию: раздача прохладительных напитков зрителям, майки с надписью «Не все телевизоры одинаково полезны» и каждому организатору по новому телевизору.

Ребята задумываются. И соглашаются. Почему бы и нет? Главное, разбить телевизор. С бескорыстными, чистыми намерениями.

На следующий день звонят из представительства другой южнокорейской компании, телевизор которой вчера пообещали разбить их конкурентам. Молодёжь несколько напрягается. Представители второй компании просят разбить телевизор первой компании. Условия предлагают куда более выгодные. Во-первых, финансовая поддержка организаторов. Очень серьёзная. Во-вторых, широкое освещение акции в прессе. В третьих, жидкокристаллические панели в подарок.

Ребята снова задумываются. Кто больше платит, тот и телевизор заказывает. Отлично. Договор с предыдущей компанией аннулирован. Бьём другой телевизор. Главное — разбить! Ведь у них, у телевизионщиков, всё куплено! Всё продано! Всё проплачено... «Вы только, — просит представи-

тель второй компании, — когда будете разбивать ихний телевизор, скажите фразу: «Да и сам телевизор — дерьмо! Не то, что у... (название компании)»...

В день акции раздаётся третий звонок. Звонят из ещё одной компании. И говорят: «Мы платим каждому организатору акции по пять тысяч евро. Мы превращаем вашу организацию в целевой Фонд по борьбе с телевидением. Мы дарим Фонду бытовой техники на сто тысяч рублей. Мы отправляем вас за границу, делиться опытом разбития телевизоров с зарубежными коллегами».

Задохнувшиеся от восторга организаторы акции спрашивают: «А что нужно сделать-то?» Их просят: «Вы приготовьте для разбития телевизор нашей компании. Выкрикните все свои лозунги, мы вас ни в чём ограничивать не будем. Потом занесите над телевизором кувалду, мучительно задумайтесь и скажите: «ну, не можем мы такой классный телевизор разбить...»

На том и порешили. Вот почему акция убийства телевизора так и не состоялась, хотя народу на неё стеклось жуткое количество, и все ждали бесплатных напитков. Телевизор не разбили. Не смогли.

Эх, проклятое телевидение, снова оно победило чистоту юных помыслов! Всё-то на нём куплено! Всё продано! Всё проплачено!

18.06.07

Заметил, что на объявлениях-предупреждениях, если они сделаны на английском языке, всегда стоит слово «PLEASE». «Пожалуйста, пристегните ремни», «Не шумите, пожалуйста», «Пожалуйста, не входите» — вот как это переводится на русский язык. И — наоборот: русские аналоги этих предупреждений (порой напечатанные тут же, рядом) славятся своей повелительностью и неласковостью: «Пристегнуть ремни», «Не шуметь», «Нет прохода».

Захожу в один из петербургских храмов и вижу надпись при входе: «Дорогие братья и сёстры! Мы благодарны вам за то, что вы отключили свои сотовые телефоны».

Сотовый телефон после этого отключаешь с признательностью и ощущением, что тебя уже любят.

А вот для сравнения надпись при входе в одном из наших, челябинских храмов, рядом со значком перечёркнутого сотового: «Разговаривающим в храме посылаются скорби».

Разница есть? Конечно. Не слишком искушённый в вопросах веры человек, который зайдёт в питерский храм, поймёт, что ему в любом случае рады. Такой же человек, который зайдёт в храм у нас, в лучшем случае испугается. Вот и хорошо, скажет кто-нибудь. Значит, уже страх Божий у него появился. Страх-то появился, а вот осознанной, светлой веры ни на грош не прибавилось. А под плёткой, как известно, мало что поймёшь.

Это как вахтёр при входе в какую-нибудь организацию — если он умеет улыбаться, организации повезло. Настроение тех, кто входит в двери, повышается от этой улыбки. И неважно, о чём идёт речь: о деловом учреждении или о церкви. В церкви ещё важнее с порога выказать не категоричность и угрозу, а любовь.

Я пытался задавать вопрос умным людям насчёт тех же табличек — почему у нас на них редко появляются слова «спасибо», «пожалуйста», «благодарим». Мне пытаются объяснить, что русские слова длиннее, поэтому на «английскую» табличку слов умещается больше. В том числе, хватает места для «спасибо». Меня это объяснение не очень устраивает. Выходит, «спасибо» не необходимость, а довесок, которым можно дополнить пустое место на табличке. Да и не только на таблички распространяется это правило. По мобильнику автоответчик английскую фразу начинает с «sorry». А по-русски — просто говорит: «Абонент временно заблокирован».

Причина, конечно, в другом. Наш человек в массе своей не привык к вежливому обращению и вообще подозрителен к проявлению галантности. Он шугается, когда в неустановленном для перехода месте чужая машина вежливо приостанавливается и пропускает его. Ему подозрительно, если в какой-нибудь регистрационной палате у окошечка отсутствует очередь, а дама в этом окошечке приветливо улыбается. И точно так же он, по легенде, не может серьёзно и обстоятельно воспринять ласково-просительный тон надписи: «PLEASE DO NOT GO ON LAWNS». Ему нужно повелительное наклонение: «По газонам не ходить!», а ещё лучше, если это будет обращение на «ты», в духе старорежимных плакатов. И не нужно длинных и вежливых объяснений, куда не надо лезть во избежание поражения электрическим ударом. Достаточно написать: «Не влезай — убьёт!». Тогда всё понятно. А ещё лучше: «Не влезай — убью!» Вот это нашему человеку очень хорошо понятно. В отличие от — «Извините! Частная собственность!»

Жалко, что вежливостью и волшебным словом нас пока не возьмёшь. А может, и возьмёшь. Да только хлопотно это — по-доброму да ласково. Куда привычней кратко, грозно и в матюгальник.

21.06.07

Приезжаю в Екатеринбург на премьеру своего спектакля, а мне: «Как ты мог подстричься?» Молчу, прибалдев. Оказывается, стричься перед премьерой нельзя. А также сидеть на рампе спиной к сцене. Желательно также перед первым выходом поёрзать попой на файле с пьесой. И ещё много ритуальных мелочей, которые нужно соблюсти.

Только ли в театре такое?

Знакомый стоматолог. Первый на дню пациент должен иметь проблему на верхней челюсти, а не на нижней, иначе весь день не заладится.

Знакомый спортсмен. Никогда не пьёт вина, не ест конфет, подаренных поклонницами. Боится не яда — негативного заряда. Коллеге однажды подарили вафли, он съел, а потом у него случился неудачный год. Это всё вафли, он потом припомнил их странный вкус.

Знакомый денежный воротила. Ездит на все самые важные деловые встречи с сушёным пенисом игуаны в левом кармане. Ему так велели. Пока помогает. Однажды перепутал, положил пенис в правый карман, встреча не задалась. О, магическая палка игуаны, прости его, он не нарочно.

А вы посмотрелись в зеркало, прежде чем выйти из дома? А до двери подъезда успели добежать, пока дверцы лифта не съехались? А счастливый билет в трамвае съели?

«Как страшно жить». Страшно потому, что иррационально. Жизнь — штука непредсказуемая. Что случится за следующим поворотом — неизвестно. Вот почему некоторые полагают, что никакая логика не спасёт. Только скрещённые пальцы. Люди своими смешными жертвами, амулетами, тотемами пытаются задобрить судьбину Угодить ей, тёмной и непонятной — методами такими же тёмными и непонятными.

В любом религиозном обряде смысл каждого таинства объяснён и закреплён. Каждый жест мотивирован. В суевериях ничего не объяснено. Бойся чёрных кошек, синички, постучавшей в окно и стрижки перед премьерой спектакля. Суеверие. Вера всуе. Суета в вере. Жертва ни Богу (это в церковь), ни чёрту (это к оккультистам), а неизвестным каким-то силам. Попытка пойти туда не знаю куда, задобрить то, не знаю что. Представление о мире, как об игралище фатальных, хаотичных и таинственных сил. Мы счастливы в браке не потому, что бережём друг друга, учимся терпению, любви, верности, а потому что поженимся 07.07.07. Наш ребёнок будет талантлив и здоров не потому, что мы

будем его развивать и заботиться о нём, а потому, что ночью насыплем ему на голову соли.

Суеверие — всегда стремление уйти от личной ответственности. Этим оно и отличается от истинной веры.

…Спектакль прошёл отлично. Правда, когда я в финале взобрался на сцену, моя бритая башка смотрелась куцевато среди других, обросших. Зато харизма хорошо просвечивала. Не путать с аурой.

26.06.07

Сегодня, увидев придорожную рекламу пива с классическим предупреждением «Чрезмерное употребление пива вредно для вашего здоровья», я задумался: эта надпись была бы актуальна для любого рекламного плаката. Только вместо слова «пиво» нужно подставлять наименование товара или услуги, которые в данный момент рекламируются. Я проверил на всех рекламных плакатах: подошло. Вот реклама салона свадебных платьев: «Чрезмерное увлечение свадьбами вредно для вашего здоровья». Вот — банковские услуги: «Чрезмерное пользование кредитами опасно для вашего здоровья». Вот реклама турфирмы: «Чрезмерный отдых расшатает ваше здоровье». И так далее. Всё нездорово.

Я знаю множество людей, которые параноидально сидят на кремлёвских, японских, фэн-шуйских, китайских, картофельных диетах, попеременно ограничивают себя то в хлебе, то в воде, то в спанье, то в тепле. Они с восторгом вычитывают в прессе, что какая-нибудь вещь признана вредной: скажем, минералка (от неё камни в почках), или солнечные очки (от них катаракта), или лазерный принтер (убивает биоатмосферу в помещениях). О микроволновках и компьютерах даже говорить не стоит. Чем дальше мы живём, тем вреднее это становится, — говорят они. К сожалению, я не принадлежу к породе этих людей. Я не буду скрупулёзно заглядывать в состав каждого продукта при его покупке. Боюсь, ничего хорошего я там всё равно не увижу. Что же толку?

Мне кажется, что иногда мысли о вреде продукта вреднее самого продукта. То же можно сказать и о главном продукте — нашей жизни. Тоже, кстати, полной консервантов, красителей, канцерогенов и антиоксидантов. Лучше уж употреблять с удовольствием, чем каждый раз морщиться и разглядывать мелкий текст на упаковке. Как говорит наша чудесная «метеорологиня» Татьяна Ишукова: «Лучше жить, любя жизнь, чем не любить её и всё-таки жить!»

07.07.07

Мне рассказывали, что в Нью-Йорке, в Центральном парке, существует вид белок, которых нельзя даже прикармливать без специального разрешения. А уж если ты случайно такой белке причинил вред, всю жизнь будешь вкалывать, чтобы штраф выплачивать. И редкие эти белки от такой жизни размножились неимоверно. Даже научились своеобразно развлекаться.

Они знают, что люди им ничего дурного не сделают. Поэтому занимаются своеобразным экстримом: кидаются под проходящие мимо парка автомобили. Особенно любят грузовые. Грузовые тормозят прикольней. Едет такая машина, пусть на небольшой скорости, и вдруг под колёса несётся сумасшедшая белка! Причём все водители знают, что будет, если они эту белку переедут. Жмут на тормоза, не щадя ног и живота своего. Грохот, шум, пыль, столкновения. А белке — счастье, развлечение.

Или так. Идёт, скажем, человек по парку и ест что-нибудь вкусное. И вот белка семенит прямо перед ним, пройти не даёт. Хвост под ноги стелет: поделись едой! Человек поворачивается, а сзади — ещё одна белка. Чтоб не убежал. Создают оцепление. Так и ходят караулом спереди и сзади. А делись вкусненьким!

Я раньше думал, такое только в пугливой Америке бывают. А тут приехал в Павловск, в огромный и наполовину запущенный императорский парк. И вижу: не только.

Орешки белкам продают у входа спецом. Разных сортов. Входишь в парк — и белки тут как тут. Из рук берут запросто. Да и птички не боятся садиться на ладонь. Почти ручные. А утки, которые плавают в прудах, даже не беспокоятся за своих утят, когда ты подходишь их погладить. Ласкаешь утят, как котят.

А в Петергофе я шёл вдоль длинного пруда — и вы не поверите! Всю дорогу за мной плыла огромная стая рыб. Я по дороге иду, они — под водой. И чуть ли лбы не высовывают: хлеба! Я хлеб на вытянутой руке подношу к воде, так они от нетерпения наполовину выпрыгивают из пруда, побулькивают: кидай! кроши! Будто щенята какие-то, честное слово.

В прудах Петергофа стали осетров и форелей разводить, как в царские времена. Рыба очень доверчивая. Лебеди тоже не думают шипеть, когда к ним подходишь. Начинают позировать для фото, башкой вертеть.

Когда-то в детстве я привык к павлинам, которые запросто гуляли по площади Воронцовского дворца в Крыму. Гуляли, точно обычные смертные курицы. Роскошно расправляли хвосты, гордо поглядывали на туристов. Потом наступили жуткие и голодные времена начала девяностых, павлины разом исчезли. Просочился нехороший слух: птиц пустили на шашлыки. Я чуть не заплакал, когда это услышал. То, что произошло, было символом: ушли времена красоты и доверчивости, пришли времена утилитарные, «мясные», времена выживания, а не любования. Тогда я ещё не мог всего этого сформулировать, но уже очень хорошо понимал.

Вот почему сегодня я так радуюсь выдре, которая почти в центре Питера переплывает Грибоедовский канал. Вот почему радуюсь наглым белкам и птицам, которые хватают хавчик из руки. Кто-то недавно сообщил, что озоновая дыра над Антарктикой стала вроде бы меньше; эта новость не обнадёживает так сильно, как тот факт, что белки, утки, выдры, рыбы, лебеди пока не полностью разучились доверять нам. Значит, конец света ещё далеко.

Говорят, в Челябе тоже стало больше белок. Шмыгают даже по скверу на Площади Революции. Дай-то Бог. Пускай бегают, весёлые, наглые и непуганые.

14.07.07

Ужасно интеллигентный город Петербург. Такой предупредительный, заботливый, внимательный. В Москве бы давно по морде наваляли. А тут терпеливо показывают, объясняют, либо урезонивают. Одно удовольствие в Питере что-нибудь нарушить, либо с кем-нибудь поругаться. Никаких грубостей. Чистая поэма.

Вот, например, люди справляют малую нужду в одной из подворотен жилого дома. Вы думаете, жильцы ставят у стены капкан или нанимают Гаврилу с ружьём? Ничего подобного. Выводят на стене подворотни огромными буквами, чёрной краской: «Люди! Потерпите! Ближайший туалет в Таврическом Саду или возле авиакасс». Забота.

А вежливые предупреждения соперничающих организаций? «В пирожковой есть блины нельзя». «В блинной есть пирожки нельзя». «Разъедать курицу-гриль в суши-баре строго запрещается». Конкуренция. Но предупреждают вежливо.

А корректные и культурные милиционеры! Я в метро сел случайно не на свою ветку, вышел, и у эскалатора сказал в сердцах, громко: «Что за хрень!» А тут как раз молодой милиционер стоит. С грустными глазами князя Мышкина. И тихо, укоризненно говорит: «Ну, зачем так грубо?»

Представляете? Что бы он сделал, если бы я обронил другое слово, похлеще? Густо покраснел от стыда? Подарил бы мне учебник русского литературного языка?

Ещё видел очень культурного милиционера, который, шаурму съев, руки изящно вытирал. Об афиши на заборе. У нас бы вообще вытирать не стал. А тут так цивилизованно, неназойливо, а главное, незаметно.

А как нежно ругаются пожилые смотрительницы в Эрмитаже. Без крика, без скрежета. Курлыкающее плетение словес, нежно пылающие уши и неизменная учтивость.

Я бы сказал, что в Питере если и остаётся какая-то «совковость», то она чрезвычайно интеллигентная, приятная. В остальной России она топорная, наглая, очевидная. А здесь — изысканная, с улыбкой. Сразу хочется извиниться, даже если не прав, всё отдать, даже если оно твоё. В Петербурге на наш хамоватый менталитет накладывается западная любезность, — этот гибрид пока очень хорошо приживается.

28.07.07

Самые парадные русские города, Питер в частности, унаследовали от Европы замечательную традицию. Если на центральной улице города какой-то старинный дом необходимо отремонтировать, его закрывают поверх лесов не просто грубой строительной сеткой, а огромным полотнищем, на котором искусно нарисовано изображение этого дома, уже отремонтированного.

Таким методом убивают сразу несколько зайцев. Во-первых, нам как бы гордо показывают: вот каким этот дом будет. Во-вторых, архитектурный и эстетический облик улицы (особенно, если это старинная улица города-музея) не изуродован. Полотнище вывешивается искусно. С тридцати шагов нельзя отличить, что окна, двери и лепнина нарисованы. А уж если улицу фотографировать, на фотографии вообще не разобрать «подделки». Дом и дом. Красивый, новый, без пятнышка.

И всё бы прекрасно, но практика эта прямо-таки кругом стала использоваться. Я даже заметил, что некоторые архитектурные объекты, вместо того чтобы ремонтировать, стали просто прикрывать тряпочками с рисунком. Например, в выбитых окнах старых мансард растягивают полотно, на котором изображена новая оконная рама с отблеском чистого стекла, карниз красивый и цветочек на подоконнике. Или какой-нибудь старосоветский барак под Стрельной, видом как Авгиева конюшня, спешно прикрывают свеженарисованным шедевром в стиле барокко: вот вам и милый домик, гармонирующий с окружающей средой.

Подумал я, холодея от испуга: а не пойдём ли мы скоро по такому пути повсеместно и глобально? Вдруг кто-то подумает, что дешевле закрывать трещины и потёртости на старых домах, чем ремонтировать? Ведь, скажем, та же самая нынешняя еврооблицовка домов панельками не что иное, как прикрытие шрамов и ран, а не их излечение.

Помнится из истории: если едет русский царь через нищую деревню — перед этим прикрывают убогие хибары холстинами, на которой рисуют красивые фасады избушек с улыбающимися лицами из окон. А уж царя стараются провести на безопасном от деревни расстоянии — зачем родимого огорчать? Так что, может быть, практика-то у нас эта совсем не европейская, а наоборот, исконно наша. А сейчас, с развитием голографии, старые дворцы можно вовсе не реставрировать. Наоборот — доломать развалины и создать голограмму на местности. С двух километров никто не отличит. В тысячу раз дешевле обойдётся, верно? И никакой Аркаим раскапывать не надо. Воссоздать голографический мираж, идентичный натуральному. Любуйтесь издали.

Вот это виртуальные города! Папе Карло, который рисовал на холсте камин и котелок, чтобы обогреть себя хотя бы морально, такое и в страшном сне не снилось. А то «Янтарную комнату», понимаете, семьдесят лет реставрировали. На фига? Компьютерная объёмная проекция со спецэффектами мерцания янтаря — и всего делов.

Я теперь к своим делам жизненным это примерять буду. Вот здесь я по-настоящему строю, раскапываю, воссоздаю. А здесь по какой-то причине имитирую, подрисовываю, симулякром занимаюсь.

28.07.07

Суздаль прекрасен, как свежий запах луговой травы. Город, в котором запрещается строить что-либо выше двух этажей, сохранивший архитектурный облик XVI–XVII века. Город-сказка, в котором всё старинное сохраняется не потому, что оно — экзотика для туристов, а именно потому, что оно — старинное. Город размером с половину одного челябинского района, в котором пятьдесят храмов, несколько часовен и пять монастырей — белокаменные, деревянные, лепные. И город, в котором я очень долго не мог найти штуки под названием Интернет.

Под конец меня даже стало это радовать. Зачем на этих заливных лугах, среди монашек в чёрном облачении, идущих в храмы по старинной мостовой, на которой когда-то отплясывал вицинский Бальзаминов, — зачем тут Интернет? Зачем в этих маленьких харчевнях, где хозяева, похожие на бородатых медведей, торгуют, как триста лет назад, медовухой, — звонки сотовых? Телеги со старинными чудными колёсами стоят, полные душистого сена, свинки и гуси носятся прямо под ногами удивлённых японских туристов, церковки из дерева, построенные на Соловецкий лад — без единого гвоздя, — чаруют взор. Отключите коммуникаторы. Погрузите ладони в речку Каменку. Полялякайте со старушками в белоснежных платках, заберитесь на колокольню (колоколов дефицит, на окраинных колокольнях вешают пустые газовые баллоны со срезанным дном — ударишь молотком — звучат, как настоящие колокола...) Попробуйте знаменитый суздальский огурец, да и черникой не побрезгуйте: нынче её тут навалом. Весьма полезно для глаз, измученных мерцанием монитора. И перестаньте, ради Бога, по выражению героини Сандры Балок из фильма «Сеть», непрестанно искать этими глазами сетевой шнур. Это старинный город, на дворе застыл XVI век, вдруг как в сказке скрипнула дверь, — вот-вот на пороге объявится знатный суздальский боярин с ковшом сбитня и предложит дорогому гостю прокатиться на вороной тройке, — а ты тут сидишь и страдаешь по отсутствию элементарной цивилизации.

Суздаль. Этимологи долго искали старинный перевод названия города. В конце концов, пришли к выводу — оно от «суждаль», суженая даль — любезное сердцу место. Многие говорят о Суздале в женском роде: родная наша Суздаль. Даль действительно чудная — и облака над лугами такие густые и объёмные, будто вылеплены из белого суздальского теста. Хлеб, кстати, здесь тоже пекут родовитый.

И нищих нет. То есть, рядом со входом в монастырь стоит какая-нибудь согбенная старушка, но обязательно в ответ на твою протянутую монетку вручит тебе леденец на палочке, либо вязаные собственноручно носочки — отблагодарит за подаяние подарком, так, что оно вроде уже и подаянием не будет. А в любом храме батюшка расскажет его историю, проведёт по зимнему приделу и по саду — просто так, потому что ты зашёл и поинтересовался.

А девушки с небесными глазами и длинными волосами медового цвета!.. Что там мои вологодские фантазии... А дедок, с гармошкой, расписанной под Палех, — наяривает на завалинке вечером? И — «даль, бела от колоколен»...

Вот только, чёрт возьми, Интернета нигде нет. А у меня дел по горло. К слову сказать, и в благословенную «суженую даль» приехал я не просто туристом, а поработать в международной летней творческой школе ЮНЕСКО, под чью опеку взят Суздаль. Сюда вот уже пятнадцатое лето съезжаются со всего мира юные музыканты, художники, поэты получать мастер-классы у ведущих педагогов России, а у Суздаля — учиться гармонии да красоте. Я преподаю поэтам. Девять талантливых, задумчивых людей от восьми до восемнадцати годов. С ними ходим по Суздалю, ловим стихи в облаках, деревьях и золотых куполах, слушаем приехавших на праздник творчества мировых пианистов — Дениса Мацуева, Даниила Крамера, готовим поэтический вечер, по вечерам ходим на речку купаться в отражении заката. Как вундеркиндерам чудесно тут, среди себе подобных, вариться в общем творческом «компоте». Ни казёнщины классического пионерлагеря, ни городского шума, ни сверстников, чуть что обзывающих «ботаниками». Благодать.

Хожу по этой благодати, а самому неймётся спокойно заниматься поэзией и наслаждаться природой: так и зыркаю по сторонам в поисках Интернет-клуба, точки доступа. Хочется погрызть немного эту наркотическую таблетку, пройтись по любимым сайтам и форумам, вернуться на пять минут в образ «цивила». И рука сама тянется повозить мышку по коврику. А Интернета нет как нет. В гостинице вытаращивают на вопрос глаза. Рядовые жители даже почти не знают, что это такое. Телевизор — пожалуйста. Интернет? «Езжайте во Владимир, тут полчаса».

Но вот, наконец, почти случайно — нахожу. На местном почтамте. На одной из неприметных дверок висит табличка: «ИНТЕРНЕТ». Дверь заперта. Популярностью, как видно, комната не пользуется. Толстая тётка-почтальонша отпирает дверь огромным гремящим ключом, я захожу... ОООО! Старинный Суздаль! Как я не догадался, что Интернет тут тоже из стародавних!

Это надо видеть. Покрытый паутиной 14-ти дюймовый монитор восьмидесятых годов, заплесневелый системник, чей вентилятор звучит, как включенный вертолёт, и мышка со сломанными кнопками! Медленно и печально загружается (естественно, Windows 95), на экране появляются какие-то мутные слова и приглашения. Я с трудом могу зайти на сайт почты: не вижу, какие буквы на экране набираю — так всё расплывается. За этим компом явно сидел ещё Дима Пожарский... Пора пускать сюда японцев. За большие деньги.

Да, подумалось мне, а ведь это неплохо! Интернет в Суздале должен быть именно такой. Под стать всему остальному. Медленный, как течение речки, и трудноразличимый, как старославянские буквы на стенах часовни. Намёк на отдых от неизбежной и всепроникающей цивилизации. Наивная надежда, что на земле ещё остаются уголки, где можно закрыть глаза и представить себя в допетровском времени. Где нет ни геликоптеров, ни сотовых, ни посудомоечных машин — одни коровы на лугах и русые женщины, полощущие в речке бельё. А уж если объявится компьютер — то такой, что впору сдавать в исторический музей вместе с древними книгами, окладами и самоварами.

07.08.07

Меня никогда не смущала фальшь старых советских идеологических фильмов. Взять, скажем, кино пятидесятых. Когда пограничник Худальбельдыев стреляет в своего друга, оказавшегося западным шпионом, с гортанным криком «ты со мной один плов ел!», я не загибаюсь в корчах перед телевизором. Более того. Я верю, что уж один-то на тысячу такой Худальбельдыев — девственно наивный, взятый из дре-

мучего аула и честно воспитанный безупречной советской идеологией — действительно существовал.

А не верится мне в наши современные отечественные фильмы. Например, в сериалы, которые, кстати, на правду жизни очень даже претендуют — иначе, как говорят их режиссёры, «нас просто не будут смотреть». Вот, к примеру, набившие всем оскомину «Дальнобойщики». Вроде всё правильно, включая кастинг актёров — лица и повадки главных героев действительно «в десятку». Но, Господи Боже мой, как это они на протяжении стольких серий умудряются говорить без единого словечка мата? Это же даль-но-бой-щи-ки! Я понимаю, что отсутствие мата — художественная условность, продиктованная наличием широкой аудитории, спецификой сериала и т.п. Скажем, секс в сериалах тоже не показывают, но в нужные моменты подразумевают; значит, и здесь после каждого слова нужно самим мысленно вставлять матерки за наших персонажей? В общем, мы на пару со Станиславским — не верим!

Но это всё наносной цинизм. Потому что краешком своего скабрезного сознания мне всё-таки хочется надеяться, что где-то ещё наяву существуют тот мент, и дальнобойщик, и токарь, которые не матерятся.

Как сладостно было бы мне, насмешливому цинику, ошибаться и думать, что сериал не лжёт!

И не потому, что я так плохо отношусь к мату и эстетствую. А потому, что втайне, как все циники, я «оскорблённый идеалист» и хочу верить в абсолютно положительных героев. Мне, может, сегодня и Худальбельдыева не хватает, и Штирлица, и дальнобойщика с приличной речью. То есть, этаких существ из Красной книги. Приятно думать, что на планете остался ещё один сипун северовосточный короткохвостый, несмотря на то, что последний раз его видели в 1949 году. Приятно думать, что по стране ещё где-то бродит слесарь, который не нюхал спиртного. Подросток, который ведать не ведает, что такое www.porno.ru. И дальнобойщик, который не матерится. Ага. Едет по трассе, его подрезают, а он и говорит: «Нехорошо ведь». Сломался трейлер, он залез под него и говорит: «Ай-ай-ай, вот неприятность». Или уронил себе на ногу запасное колесо и говорит: «Ну и ну, больно же». В общем, как в анекдоте: «лейтенант Онучев, будьте добры, постарайтесь, чтобы мне не попадали на голову капли расплавленного олова».

Я это всё к чему веду. На той неделе я видел тройку дальнобойщиков, которые не матерились. Не верите? Дело было по пути из Москвы в Пушкинские Горы. Мы с друзьями зашли в уютный кабачок на автотрассе и устроились за столиком, чтобы выпить кофе. За соседним столом сидели дальнобойщики и беседовали на средней громкости. Их фуры стояли за окном. Не успели мы отпить кофе, как почувствовали что-то неладное. Дальнобойщики говорили чудесным русским, практически литературным языком, в их речи совершенно не было мата. Речь и сам разговор были спокойными и рассудительными. Мы слушали минуту, три, пять, а затем, присмотревшись, обнаружили ещё одну поразительную деталь: все они ели чрезвычайно аккуратно, ножом и вилкой, а на коленях у них лежали салфетки. В них не было той классической усталости работяг, которым на отдыхе «можно всё»: закурить в некурящем зале, громко рыгнуть, щипнуть официантку, просто заорать на весь зал «Вован, ты не прав», попросить поставить «Владимирский централ». Нет. Эти были похожи на преподавателей университета, обсуждающих в буфете какой-то философский вопрос. Такая размытость социально-классовых границ привела нас в ужасный восторг, точнее, в восторженный ужас.

«А вдруг ряженые? — вздрогнулось нам. — Или, может, тут очередную серию фильма снимают? Или это не дально-

бойщики вовсе?» Но нет. Вот они встали, расплатились и двинулись к фурам. Сели, завели, поехали.

Неужели, подумал я в этот момент, всё-таки не жизненная среда формирует искусство, а наоборот? И пресловутый «мыльный» сериал смог выработать в реальности новую генерацию дальнобойщиков — людей без мата, сивухи и русского шансона?

Подошла официантка. «Хорошие ребята, — мечтательно сказала она, перехватив наши взгляды на отъезжающие фуры. — Тут латыши не редкость. Ездят между Ригой и Москвой, грузы гоняют». «Латыши?! — завопили мы. — Но они же говорили на русском...» «Русские латыши, — ответила официантка. — Их сразу видно. По крайней мере, я различаю с полуслова»...

Вот такая правда жизни. Интеллигентных дальнобойщиков я действительно видел. В транзите по России. А их настоящая родина, к сожалению (или к счастью?), находится там, где нет ни «Владимирского централа», ни пьяных слесарей. Так что теперь я в таких дальнобойщиков верю — как и в Худальбельдыева.

13.08.07

Пушкиногорье не пользуется большой популярностью. Думал, буду ходить в толпе туристов, как в Царском селе, где экскурсии идут одной сплошной змеёй, плечом к плечу. А приехал сюда и вижу: не только толп, вообще почти нет людей. Везуха! Как же иначе ощутишь себя Александром Сергеичем в ссылке, в глухомани, в «печальном уголке»?

А глухомань изрядная. Псковская область, далеко и от Москвы, и от Питера — не всякий автобус долетит, говоря уже о птице-тройке. И цены провинциальные — как на ведёрко черники, так и на гостиничный нумер.

А вообще-то дело даже не в ценах. Не горят тут главным желанием заработать побольше бабла, хоть убей. Вот всегда и везде, где гулял до этого — Петергоф ли, Кремль московский, монастырь ли псковский — всюду озабочены, как бы больше капусты срубить с дурня-туриста. При каждой беседке попугай сидит, клювом купюры из твоего кошелька вынимает. При каждой колоннаде киоск с рулоном билетов. Вход на каждую терраску, в каждый закуток платный. От сувениров не продохнуть вовсе, причём везде одни и те же: матрёшки, веера сандаловые, блюдца под гжель, птицы счастья. Бродят сомнительные граждане, переодетые в Петра Первого с Екатериной Второй — убранство ещё ничего, да больно морды спитые — зато за фотокадр в своей компании берут рублей по сто. Во дворцы, само собой, вход недёшев, ох, недёшев. О леденцах, сахарных ватах и предложениях бросать в фонтаны монеты покрупнее уж молчу вовсе...

И вот Пушкиногорье. Так и ждёшь, посыплются на тебя сейчас и значки с пушкинскими портретами, и кружка с надписью: «выпьем, няня», и гусиные перья с силуэтом поэта, и бабки, торгующие жжёнкой (а как же! пивал, пивал у Осиповых-Вульф, да нарадоваться не мог, как Евпраксеюшка жжёнку готовит), и, конечно, лошадиные прогулки а-ля Ганнибал, и живые клоны Сан Сеича, нацепившие цилиндр да бакенбарды: фотографируйтесь с нами. И Кота Учёного можно сделать из обычного Мурзика посредством лодочной цепи, покрашенной в золотистую краску, а уж дубов трёхсотлетних в Михайловском да Тригорском немало...

И вот — нет этого ничего. А есть тишина, чистый воздух и усадьбы в чудесных парках: вход за символические алтыны, в некоторые пускают бесплатно. И сумасшедшие экскурсоводы, фанаты своего дела, знающие каждый куст смородины в Петровском. И дивные пушкинские мостики, перекинутые через пруды — белое кружево над зеркалами, и «оне-

гинские» скамьи, и старые, как уже было сказано, клёны, дубы, ели, которые лечатся, латаются, протезируются, охраняются ведущими российскими биологами. И всё это — «не из денег, а только б вечность проводить». Потому что не бабло побеждает зло, а простая, безыскусная, даже и смешная на первый взгляд преданность-любовь. К Александру Сергеичу, чей дух и голос, шаг и вздох ощущаются в этих аллеях не меньше, а порой больше, чем даже в самой его поэзии.

Гуляй, рви смородину и малину. Купайся в речке Сороти. Понаблюдай за аистами, чьих гнёзд тут в избытке. Сходи к мельнику на настоящую водяную мельницу, он тебе свежемолотой пшеничной муки насыплет за просто так. Грубый помол, на вкус — сладкая, а какие блины из неё вытворить можно! Сядь на перила садового мостика, ляг на траву, заберись на верхушку грота — никто не заорёт: «не ходить!», «не сидеть!», «не трогать!». И в усадьбах почти нет ограничителей, тяжёлых шнуров, которыми в столицах перетянута половина экспозиций: «за линию не заступать!» Мы в гостях у Пушкина. Мы дорогие гости. Нас не бьют по рукам. Не включают сигнализацию. Нам доверяют, любят и просят разделить любовь к поэту.

Подлинные усадьбы сожгли сразу после революции. Спустя год после этого вышел декрет: землю сделать заповедником. Вот так — сначала сожгли, потом хватились. Стали восстанавливать по клочкам, по уголькам, опилкам. Только что-то реконструировали, грянула Великая отечественная. По Пушкиногорью прошла линия обороны. Всё было вновь сожжено дотла, изуродовано, взорвано, изрыто. Великий директор, реставратор радетель, покойный ныне Семён Степанович Гейченко, восстанавливал с 45-го года заповедник даже не из руин — из ничего. На нечеловеческом энтузиазме. И сумел передать этот энтузиазм последователям.

И к нему приезжали унывные интеллигенты и говорили: «Тут всё умерло, этого не воскресить». И приезжали надрывные интеллигенты и кричали: «Что вы делаете, здесь при Пушкине эта берёзка не росла!» А он знай делал своё дело. Он не смог восстановить всего с исторической буквальностью, но восстановил всё с точностью атмосферной, поэтической — самой главной. Пушкин мог бы вернуться сюда — уже после дуэли, после смерти, тихим духом в места своего отдохновения — и не нарадоваться: суть прошлого подлинна, «и здесь опять минувшее его объемлет живо».

Всем бы молвил: езжайте туда, отдыхайте душой, глазом, ногами, крыльями, даже если вы ровно дышите при имени Пушкина, вы не сможете не прочувствовать явность живого прошлого в этих местах. Но страшно говорить такое, я эгоист и консерватор, боюсь за маленькое Пушкиногорье: понаедут толпы, затопчут аллею Керн, замутят пруды, начнут продавать валдайские колокольцы и золотых петушков на спичках, разбалуют местных, научат их *делать бизнес*, долго ли умеючи: «деньги всегда, во всякий возраст нам пригодны», — как читаем в «Скупом рыцаре».

Должен же остаться на свете хоть один заповедный уголок поэзии, где перо побеждает бабло. Чего делать в Пушкиногорье? Поехали лучше в Анталию.

21.08.07

В словаре Москвы давно нет понятий «тишина» и «покой». Столичный ритм разрушает тебя, завораживая. Толпы в метро, в гипермаркетах, на бульварах и проспектах. Вечный бег, вечный шум, давки, грохот строек и реставраций; пробки на проспектах и в переулках; завывающие нищие в переходах; восточный говор на каждом шагу, рекламные призывы в мегафон, дым от шаурмы, очереди к маршруткам. Все

одновременно говорят по мобильникам — даже в метро, если есть связь.

В Москве страшно собаке, ребёнку, птице. Они ещё не научились жить, не переводя дыхания. Круглосуточные огромные гипермаркеты вечно пережёвывают крутящимися дверями толпы людей. В метро давка, духота, на лицах — привычная обречённость. В Кремле, Третьяковке, Историческом музее, Храме Христа Спасителя — только толпы. За спинами не видно достопримечательностей.

Ощутить и увидеть в этом угаре мегаполиса поэзию столицы — задача не из лёгких. А поэзия есть. И, может быть, тем ценнее она, что открывает себя не каждому.

Вот в Питере поэзия разлита во всём городе. Чтобы обнаружить её изнанку, аверс — нужно зайти в какой-нибудь глухой двор и ощутить, что скрывается за парадным блеском Невского или Мойки: гнилой запах, обшарпанные стены, мутные окна, тёмный «колодец» с квадратным куском неба наверху.

В Москве — иначе. Осторожно заходить в дворики и проулочки, в калитки, порой тайно скрытые от глаз, нужно как раз для того, чтобы ощутить поэзию, поверить, что в этом мегаполисе есть что-то иное, кроме вечного бега и шума. За негласными ходами сохранились редкие «островки» подлинной Москвы — прекрасные и тихие, оттенённые шумом современного города. Их окружает огромный океан современных, «мертворождённых» домов, автомобилей, улиц. Но их не коснулась паранойя времени. Как они умудряются продолжать существовать и сохранять аутентичность — неизвестно и непонятно.

Идёшь по Проспекту Мира среди толпы, лязга и дыма. Свернул в двойные двери нужного здания, прошёл насквозь застеклённый коридорчик — и вдруг вышел к папоротникам, прудам с королевскими рыбами и бамбуковым оградкам, за которыми дремлют каштаны — аптекарский сад Петра I, в самом центре столицы. Как будто отключили какую-то кнопку: тишина, журчание воды, ветер в ивах. Контраст мгновенен и потрясает так, будто и впрямь, точно у английского классика, попадаешь в волшебную местность через платяной шкаф.

Или по другой улице, тоже широкой, которую обступили «хайтековские» многоэтажки, по которой непрерывным потоком мчатся машины. Только найди нужную дверь в какой-нибудь белёной стене — и вот ты уже внутри подворья или монастыря, на выложенной старинным камнем мостовой, в тенистом садике с журчащим фонтаном и старыми фонарями. Зайдёшь по тропке садика чуть поглубже — о чудо! — рви малину и облепиху, и это тоже в самом центре. Трёшь глаза, будто в пустыне обнаружил мираж.

Хорошо, что сюда не заглядывают туристы, да и сами москвичи не все знают о таких оазисах. Садишься в тень и отдыхаешь душой и телом: жара в столице нынче нешуточная, столбик подползает к +40° С. И вправду — чем не оазис в жаркой пустыне.

Читал в детстве у Гайдара: «Чуку казалось, что весь мир состоит из огромного города, с широкими улицами и машинами, большими домами и магазинами». Теперь думаю: а ведь, наверное, недолго, когда и впрямь будет почти так. Города неудержимо расползаются вширь — ещё лет сто, и будем жить в мегагороде, замостившем всю планету; а если и не будем, то вырваться из центра города на природу станет сложно: нужно будет садиться в поезд или на самолёт. Правда, останутся такие вот островки, спрятанные внутри стозевного чудища мегаполиса. По ним наши правнуки и будут судить о природе; уже сейчас в столице есть предпосылки для такого светлого будущего.

23.08.07

В московском супермаркете на кассе лежат разделители для товара — плоские палки, которыми покупатели отделяют на ленте-транспортёре свои покупки от чужих.

Сделаны эти разделители из прозрачного органического стекла с дырочками, и в них, рекламы ради, насыпаны зёрна настоящего дорогого кофе. Дух стоит дивный.

Старушка берёт разделитель, встряхивает, подносит к лицу, вдыхает с видимым наслаждением. Потом расплачивается за банку дешёвого кофейного суррогата.

25.08.07

Приглашаю погостить в Челябинске своего коллегу, молодого московского литератора.

— Так вы же в Сибири живёте, — говорит он задумчиво.

— В какой Сибири? Урал — моя родина! — ответствую ему.

Он ещё больше задумывается и в конце концов говорит:

— Знаешь, Константин, для меня всё, что за Мытищами — это далеко, это Сибирь.

26.08.07

Рекламные щиты на трассе, ведущей в аэропорт «Домодедово».

Слоган какой-то финансовой компании: «У нас взлёты — без падений».

Реклама продажи аграрных участков: «Земля — это безопасно».

Интересно, кто-нибудь добирается до Домодедово с желанием улететь на самолёте?

30.08.07

Разговорился вчера с одним человеком, который готовится принять иноческий сан. Весьма набожный человек, благостный, мудрый, возрастом под полтинник. Всё о Христе, о послушаниях, о промысле Божьем. А среди беседы вдруг сверкнул из-под бровей глазами и спросил: «А как ты к Сталину относишься?»

Растерялся я от такого внезапного вопроса. И молвил в ответ о Сталине какую-то ерунду, будто о волшебнике Гудвине из «Изумрудного города», мол, великий он и ужасный. А набожный человек покачал головой и вдруг сказал мне: «А вот я — сталинист».

Тут я глаза-то вытаращил. Человек чуть ли не в скуфье передо мной сидит, а туда же. «Сталинист, и горжусь. Великий он был человек, а все прочие рядом с ним — пигмеи». «А как же, — спросил я, — ваше чувство сочетается с десятками тысяч расстрелянных священников, монахов, верующих?» «Везде бывают передержки, — дёрнул он плечами, — но с религией у Сталина всё было в порядке. Он сам семинарист бывший, знал, что это такое, и умер по-православному. Так что за него молиться можно».

Я молчал… Неделю назад мне как раз довелось побывать на знаменитом Бутовском полигоне — страшном месте в ближнем Подмосковье, где в 37—38 гг. было расстреляно особенно много лиц духовного сана. Покойников увозили на телегах тысячами, местные ребятишки бежали и просили возниц «прокатить на трупиках». Ныне на страшном месте стоит храм памяти святых новомучеников и исповедников российских. На иконах изображены их казни — солдаты НКВД нарисованы исключительно в профиль, как в иконописной традиции изображали бесов.

Что мне было ответить православному человеку пятидесяти лет? Я не имею права осуждать его. У таких людей своя

концепция: Сталин, мол, с 39-го года велел ограничить преследования священников, а в войну вообще с митрополитом встречался, да и в Бога верил на самом деле крепко… Передержки, конечно, были. Миллионы загубленных жизней, хочется ответить ему, — это передержки? Вот в православном учении у Бога борьба за каждую жизнь идёт, за каждую душу, один неверный взгляд и грешное слово могут стать передержкой в такой борьбе; а гениальный параноик развязал одну из самых кровавых мясорубок XX века, уничтожил миллионы — и вы называете ЭТО передержками и сочетаете с христианской верою?

Я знаю, чем живут эти люди. Ключевые понятия их — «сила и страх». Потому у них бюстик Сталина и уживается с иконостасом на одной полке. Ибо Бог у них — не в правде и милосердии, а в силе; и Сталин весь — не в ужасе террора и расстрелах, а в силе же. Восторг перед властью и страх перед властелином — вот какие одинаковые чувства радуют и питают их и в христианстве, и в апологетике Сталина, каким бы чудовищным это сочетание не казалось. Поистине, у Бога чудес много.

Впрочем, чему я удивляюсь? Вот и у настоятеля одного самого известного русского монастыря висит в келье портрет Сталина; а уж о книге Зюганова, рассказывающего про близость коммунистических взглядов и Христовых заповедей, вообще молчу. Того и гляди, вновь появятся «красные попы», как в начале двадцатого века. Одного из таких попов описал Валентин Катаев в своей знаменитой «Траве забвенья»; правда, кончину этот поп нашёл весьма печальную: народ его взглядов не понял. Люди тоскуют по сильной руке — вот ужо Сталин вернётся, вот ужо второе пришествие грянет! Понятия почти равняются. Главное, что Россия — великая страна! А величие России кто придавал, кого славить, кому молиться? И тут можно всех валить в одну кучу, через запятую: Сталин, Николай II, Александр Невский, Серафим Саровский, Владимир Ильич Ленин, Владимир Красное Солнышко и Иван Грозный…

Кто-то удивится каше в головах? А как же иначе-то? У нас ведь вся история великая; мы и любим и губим грандиозно, а каяться-то ни в чём не хотим. России никогда за Россию не стыдно. Потому что великие мы, великие. Вот тихенько и мирненько прикатилась страшная круглая дата: семьдесят лет назад наступил 1937-ой год. Время страха и террора, время, когда людей убивали как скотину тысячами, десятками тысяч, иногда за дело, иногда не по делу, иногда просто так, за компанию, — и сегодня до сих пор у нас нет силы духа для всенародного раскаяния и покаяния. Потому что мы — империя, у которой просто бывают передержки. Да, говорим мы, ужасное прошлое — но великое прошлое! Да, твердим мы, — чудовище, тиран, но какое чудовище, какой стратег, какой лидер, какая недорогая красная икра, какой бодрый дух у народа, да и умер, чёрт возьми, по-православному! Да, страшно, да, кости вопиют, но мы не будем приспускать флаги к этому юбилею, потому что всё равно — эпоха была великая, и многие эту эпоху помнят именно такой, и по отношению к ним давайте будем корректны, а кто прошлое помянет, тому глаз вон! А потом удивляемся, почему Эстония делает в нашу сторону всякие пакости, почему на нас с ужасом пялится Прибалтика, и остальная Европа косится как-то недоверчиво: когда был Нюрнбергский-то процесс у них?..

Тот человек, о котором я начал свой рассказ, родом из Магадана. На прощание он сказал мне, как бы шутя: «У нас на Магадане последнее время что-то свободненько так стало. Соскучились мы по новым людям. Дай-то Господь, скоро всё вернётся, прижмут нечестивцев к ногтю».

Христос явится на Страшный суд или Джугашвили восстанет из мёртвых — к счастью, не пояснил.

09.09.07

Молодой человек, догнавший меня вчера на улице, был взлохмачен и небрит. Я бы мог сказать, что у него фанатически горели глаза, но глаза не горели. Наоборот, они были тусклые, малоподвижные и странно не вязались с его общим возбуждённым настроением. Он выдохнул: «Здрасте... извините, я вас видел по телевизору... Вот решил спросить, как авторитетного человека... а вы знаете, что скоро начнётся третья мировая война?»

Я хотел ответить что-то вроде «вы опоздали, дорогой, она уже идёт», но, вглядевшись в его лицо, понял, что шуток и метафор он не поймёт. Кроме того, я шёл не один. Со мной были ученики, ребята двенадцати-четырнадцати лет. И они сразу очень напряглись. Тогда я велел им идти вперёд, а сам задержался, чтобы поговорить с человеком.

К сумасшедшим я отношусь неплохо. Есть среди них и здравые люди, этакие Мюнхгаузены из фильма Захарова. Среди безумцев одна порода меня пугает: эсхатологи. Провозвестники конца света. Господа, закупающие говяжью тушёнку тоннами и прячущие её в десятиметровые потайные катакомбы у себя на дачном участке. Господа, которые стоят в подземках с плакатами «Завтра придёт пипец, покайся!» Это люди, в которых, по определению, страх сильнее веры, а ужас перед завтрашним днём темнее, чем всякая любовь к сегодняшнему.

И ещё есть у всех Пророков Крышки этакая нотка торжественности: мол, мы знаем, что завтра вы все превратитесь в пепел, а вы и не догадываетесь. И эта нотка придаёт им какое-то божественное значение в своих собственных глазах.

— Откуда у вас сведения о третьей мировой войне? — спросил я взлохмаченного.

— Это... закрытая информация. Но я знаю точно. Говорят. Мир будет уничтожен. Геноцид всех русских, всех верующих... Все должны об этом знать. Вы идёте вместе с детьми, я подумал, что дети тоже должны знать...

— Вы верующий человек? — спросил я.

— А как же! — глаза его в первый раз сверкнули.

— Вы знаете определение «промысел Божий»? Читали в Библии, что, если Господь не захочет, ни один волос не упадёт с вашей головы? Чего же вы суетитесь и работаете тут Богом? Вы считаете, что вам отворены пути и тайны Его, что вы знаете о будущем больше, чем любой смертный?

Он смутился. Вообще, он вряд ли был из секты. Скорее всего, безумный одиночка, который сам, напрямую, получает информацию с неба. Мне вспомнился известный астролог, который несколько лет назад на Аркаиме сказал, что через год Москва и Питер ухнут в преисподнюю, а Урал с Аркаимом станут центром мира и пупом земли. Помнится, какой-то человек, искупавшийся в речке, проходил с полотенцем мимо этой жуткой лекции и спросил, прикинувшись бревном: «А где вас можно будет найти через год?» Именитый астролог страшно обиделся. Я бы на его месте тут же проклял бы и Урал, предписав ему провалиться сквозь землю заодно со столичными городами.

Мой собеседник тоже не ждал «наезда», но, в отличие от Глобы, чёткой программы по ответам ещё не выработал. Ему не терпелось рассказать мне про Бога и про Его секреты, а оказалось, что я всё знаю, но при этом с ним спорю. Он ждал, что поразит меня страшным откровением, а мне страшно не было.

— У вас есть семья? Дом? — продолжал я некорректные расспросы. Вообще, обычно я не такой наглый, но тут внутри меня будто плотина рухнула.

— Есть...

— Идите, приласкайте детей, поцелуйте жену, вымойте дома пол, посадите под окном деревце, — и клянусь вам, третьей мировой не будет. Вас помилуют.

Боюсь, он меня не понял. Он отошёл, озадаченный, поглядывая на меня, как на психа; в этот момент мне стало ясно, что сбить с толку сумасшедшего может только другой сумасшедший. Сложно было ему объяснить, что для отдаления конца света нужно делать всё, что угодно: молиться, поливать цветы, читать хорошие книги, навещать старенькую маму, — но только не бегать по перекрёсткам со встрёпанными волосами, рассказывая людям сногсшибательную новость. «Спасись сам — и вокруг тебя спасутся тысячи» — как это кротко и просто.

Я догнал детей. Они смотрели встревожено.

— Ну, что там с третьей мировой? — спрашивает один из них.

— Мы договорились. Пока отменяется, — отвечаю.

29.10.2007

Премьера моего «Аркаима», беготня, нервы и шум. Параллельно — пишу детскую пьесу, оформляю сценарий творческого вечера, выступаю с группой поэтов по области. Вчера, одуревший и осоловелый, сел после ненормированного рабочего дня в маршрутку, а маршрутка не моя. Перепутал. Да ещё к тому же и задремал. Так что очнулся уже на северо-востоке. Это единственный район, в котором я, к стыду своему, никогда не был. В Металлургическом и Ленинском — сколь угодно. А вот с этим — не сводила судьба. Просыпаюсь совершенно одуревший: ночной пейзаж за окном мне абсолютно не известен, пассажиров полтора человека осталось, по радио у шофёра идёт реклама моего спектакля. Сюрреализм, ёксель-моксель. Я проснулся или ещё нет? Это Челябинск или внутренняя Монголия?

С детства мечтал сесть как-нибудь на первый попавшийся поезд, выйти (или спрыгнуть) наугад и найти городок (или село), в который ноги сами приведут. Тут, конечно, была

маршрутка, а не поезд, но наивное чувство неизвестности радовало по-детски. Вот и вывалился в вечернюю темноту на забытой Богом остановке.

Передо мной мерцало озеро. Стояла полная луна, небо было спокойным и чистым, и в воздухе висела сырость, настоянная на запахах осени. Через дорогу был пустырь, поросший репейным бурьяном с редкими деревьями, а за ним — серо-жемчужная гладь воды с отражением луны — родимым пятном. Где-то позади толпились многоэтажки северо-востока. А здесь — тишина, и впереди расстилается огромное Первое.

Достаточно ошибиться маршруткой, и ты уже в пустом пространстве, освещаемом луной. И перед тобой — медленная, но ещё живая перед зимним сном вода. И вокруг только воздух, едва слышные вздохи ветра, промозглая свежесть высохших трав.

Вода всегда казалась мне величественнее гор. Горы — как на ладони. В воде больше тайны.

Пошёл по бурьяну в концертных туфлях и брюках и нацеплял вдоволь репьёв. Все ощущения, даже промокших ног, были безотчётно пригожи. А особенно хороши были огоньки на том берегу — своей далёкой несбыточностью, чужим теплом.

Ещё полчаса назад я стоял в толпе галдящего народа, среди хлопающих пробок от шампанского и недорогих улыбок, среди одержимых славой, и многословием. Сильнее ламп филармонии светились лбы столичных гостей, людей приятных манер и тонкой речи. И пахло несусветно изысканной парфюмерией.

...Я провёл на берегу озера около получаса в полном одиночестве. Никто меня не потревожил, только где-то очень далеко лаяла собака. Потом стало холодно, и я понял, что сеанс релаксации подходит к концу, мне намекают на это. Тогда я сел в маршрутку и поехал домой. Домашние долго

выковыривали репьи из моих штанин и недоумевали, на каком званом вечере я их нацеплял.

Когда лёг спать, закрыл глаза и увидел озеро с луной. Вернее, с двумя лунами — вверху и внизу. Серая вода шелестела: «Приходи ко мне время от времени. Просто садись не в ту маршрутку и приезжай, когда от всего устанешь, ладно?»

5.11.07

Валерий Золотухин пришёл на «Фабрику звёзд» учить гламурных деток высокому поэтическому слову и технике речи. Утомлённый, с грустью в глазах — недавняя трагедия с женой оставила отпечаток. Посадил вокруг этих мальчиков и девочек, увлечённых исключительно оттенком своего тонального крема. И попросил одного из мальчиков прочитать какое-нибудь стихотворение.

И мальчик прочитал гордо, резко, вызывающе:

— Лежу на чужой жене. Одеяло прилипло к жопе. Я кую детей стране назло буржуазной Европе!

Золотухин ещё более погрустнел, но виду не подал. Куда ему журить ярких, стильных, дерзких, талантливых. И что с них взять, кроме анализов, — не «Полтаву» же они будут ему читать, в самом деле. (Впрочем, видел я недавно, как обкурившийся нарк читал для пожилых соседок по плацкарте «Евгения Онегина», объявив, правда, автором стихов Лермонтова. Незабываемые впечатления! Старушки не понимали обкуренности, и аплодировали нарку до взаимных слёз — вот картинка, достойная Хармса! Ужели складно читать Онегина нынче решаются лишь любители забить косяк?)

Так вот, Золотухин погрустнел и говорит:

— Хорошие стихи... Острые. Молодец. Но ты читаешь их резковато. А ты прочти, как читал бы Пастернака — грустно, в стиле позднего Смоктуновского.

Господи! О чём он говорит? Мальчик в тональном креме тоже смотрит на него с непониманием. Ху из Пастернак? Ху из Смоктуновский? С чем их едят? Что хочет от него этот дядя? Мальчик же уже всех поразил и эпатировал словом из четырёх букв на «Ж». Слово размножит Первый канал и передаст по спутнику всей великой России. И друг степей калмык, и тунгус повторят это слово как завороженные, сидя у телеэкранов. Рейтинг зашкаливает. Все в шоколаде. Чего ещё надо Золотухину?

А что ему действительно надо? Зачем он сюда пришёл? Научить этих аборигенов попсы прекрасному? Привить любовь к великому и могучему? Читал ли он тексты их песен, самый членораздельный из которых «ути-муси-муси-пуси, я горю, я вся во вкусе»?

Ранний Пастернак! Поздний Смоктуновский! Интонационная чистота и одухотворённая рефлексия!

Похожую историю рассказал мне профессор Московской консерватории, один из лучших пианистов современности, ныне, к сожалению, уже покойный. В последние годы его постоянно приглашали в богатые школы — учить тамошних деток «на пианине». Многие из деток, к которым приезжал музыкант с мировым именем, видели «пианину» в первый раз, и уроки ограничивались тем, что он им ставил на клавиши ручки. Человек, которому внимали многотысячные залы разных стран, просил десятилетнюю дочь нефтяного олигарха не жевать жвачку во время разучивания пьески «Чижик-пыжик». Но ему хорошо за это платили. Лучше чем за Дебюсси с Рахманиновым в концертных залах Европы.

Зато не Вася Пупкин им букварь читает.

В этом есть что-то от желания волшебства — прилетит, мол, в голубом вертолёте, с гениальной харизмой, взмахнёт волшебной палочкой — и не надо будет ни заниматься, ни Пастернака читать, ни Рахманинова слушать. Всему сами

научитесь — от его прикосновения, взгляда, известности, размаха личности. Не так важно даже, что он там лопочет. Говорят вам — гений. Всасывайте масштаб. Жвачку при этом можно изо рта не вынимать, вы же ему хорошо платите.

07.11.07

В продолжение предыдущей записи.

Мне в одном из городков богатой Западной Сибири продемонстрировали местную музыкальную школу. У меня глаза там выпадали периодически. Мраморный холл. «Долби» в каждом классе. Только самые дорогие импортные рояли, скрипки, балетные станки. Студия о пяти синтезаторах. Осветительная установка в зале, которой наш «Дворец спорта» позавидует. А видели бы вы их компьютеры в классе рисования!

И при всём этом — очень средненькие, пресыщенные, спокойные дети, без огонька в глазах. Им ничего не надо. У них всё есть. Творчество их не зажигает. Они заряжают «автоаккомпанемент» на синтезаторе и могут играть одним пальцем. Включают суперпрограмму на компе — и она фактически рисует за них. Потом эти рисунки вешают в рамках из натурального красного дерева в коридорах. Знаете, такая рамка за сто пятьдесят долларов, а в ней — картинка: кривое солнышко, птичка и домик. Очень трогательно.

И вот тут я ловлю себя на том, что не завидую им. Вот ещё одна формулировка счастья — это когда чего-то не хватает. У нас в восьмидесятые не хватало мультиков, мороженого и мягких игрушек. И мы умели ценить это, когда получали. Я начал сочинять, потому что мне не хватало хороших книг. Пробовал писать приключенческие романы, которые мне самому хотелось прочитать.

У этих есть всё, и они какие-то вялые. Их ничем не удивишь, они ничего не предвкушают. Может, я ошибаюсь. Наверное, этим чадам не хватает чего-то тоже — терабайт на жёстком диске, мегапикселей на фотике, GPS-навигации на сотовом телефоне.

Ну, и блеска в глазах. Восхищённого, самозабвенного.

16.11.07

Только что осознал, что мне очень симпатичны люди, которые не стараются никому показаться симпатичными. Люди, которым на это наплевать.

Они не пофигисты и не человеконенавистники, они просто об этом не думают, и получается у них отлично. Их практически все любят и доверяют им.

Ужасно коробит всё то, что старается понравиться. Что прям кричит: «А смотри, какое я симпатичное и как поблёскиваю галантно! Какое я красивенькое!» Мне поэтому не нравятся сладкие, изюмные пейзажи художников, которые продаются возле кинотеатра «Родина», и Статуя Любви, и Басков, и коммуникабельные сектанты с тёплым рукопожатием и дежурной улыбкой, и фраза «Здравствуйте, чем я могу вам помочь?», и вообще товарищи, которые слишком стараются произвести приятное впечатление.

Есть, например, мужики, которые каждую секунду живут, стремясь произвести эффект на женщин. Каждым своим действием. Приготовлением и аккуратным поглощением жратвы. Раскуриванием трубки. Спорами о политике. Игрой на гитаре. Чтением Мураками. Вот они всё это делают — и видно, для чего, вернее, для кого. Видно, как они это всё продумывали, репетировали там движение, которым нитку с пиджака надо снимать.

И есть женщины такие. Я про них вообще не буду... И дети. Маленький мальчик, мой новый ученик, так мне старался понравиться! Всё время улыбался и периодически повторял: «Вы только не забудьте, что меня зовут Вова, и что

я внук такого-то депутата законодательного собрания! Вы не забыли? Не забыли?»

И у старушек это особенно ужасно, косметика ведь только подчёркивает то, что они хотят скрыть.

А есть совсем другие люди.

Одна моя знакомая хорошо заметила: мужчины чудесно поют именно тогда, когда не хотят понравиться женщинам. По-настоящему поют.

Или вот женщина выращивает цветы. Не для мужчин. И не для того, чтобы подружкам для зависти показывать. Просто выращивает. Утром с ними толкует, вечером поливает и опять толкует. И тогда эти цветы классными получаются.

В этих вещах и людях есть очарование без обязательства прельщать. В них присутствует самодостаточность, но нет самолюбования.

Блок по схожей причине был когда-то не очень доволен стихами Ахматовой. Он сказал: «Она их пишет будто перед мужчиной, а их надо писать будто перед Богом».

Кажется, большинство людей живёт будто друг перед другом, а надо бы — как Блок сказал.

У меня есть знакомая девушка, которая всем очень старается понравиться. Она одинока и робка. Ей уже всё равно, кого найти себе в жизненные попутчики, потому что годы девушки берут своё. И она готова понимающе общаться хоть с китайцем, хоть с сатанистом, хоть со слесарем Васей, хоть с рэкетиром Вовой. А самое грустное, она каждому хочет показать, как она его понимает, как разделяет его взгляды, как хочет облегчить ему жизненную ношу. Поэтому в случае чего она охотно выучит китайский, или поможет отслужить чёрную мессу, или узнает диаметры слесарных инструментов, или будет озабоченно обсуждать, до какого градуса накалить утюг, чтобы жертва не откинула копыта. И всё это она будет обсуждать одинаково искренне, с какой-то щемящей готовностью и покорностью, при этом подливать собеседнику чай, кивать, поправлять локончик у уха, и думать, не отслаивается ли пудра. Поэтому её собеседник уйдёт к вечеру и никогда не вернётся.

Я советовал ей выучить китайский или узнать про слесарные инструменты просто так, из чистого любопытства и жадности к жизни. Но она смотрит на меня с непониманием.

Я очень хочу научиться этому искусству: не стараться никому нравиться. Но у меня тоже плохо получается. Слишком часто я пишу с оглядкой на кого-то. Стихи, прозу, пьесу. Колумнистику, в конце концов.

Но всё-таки очень люблю, когда люди делают что-то здоровское, при этом не поглядывая на окружающих, не стараясь завоевать ничьё сердце.

Тогда у них, наверное, и получается неземное, потому что своим бескорыстием они завоёвывают сердце Бога.

11.01.08

Хороший сайт — «Одноклассники». Очень душевный. Очень правильный. «Жди меня» — online-версия. Если задаться целью, можно найти не только приятелей пятнадцатилетней давности, но и тех, с кем в детском саду сидел на горшке.

И вот зарегистрировался и ищешь: интересно ведь. У меня хорошая память на фамилии и имена — помню своих знакомых и впрямь с подготовительной группы. Не только девочку, которой симпатизировал еще в первом классе — а и случайных вроде бы людей. Иногда недолгие встречи хорошо врезаются в память. Любопытно узнать: вот ты ненадолго пересекся с ними по жизни, но запомнил, — где они теперь? Что делают? Куда раскидала судьба?

И нахожу, действительно нахожу одногруппников, одноклассников, однокурортников, однобутыльников, одно…

одно… одно… С трепетом вглядываюсь в фотки людей, которых не видел массу времени — поизносились, раздобрели, изменились — полноте, да они ли это? И с каким-то совсем щенячьим восторгом мы пишем друг другу: «А помнишь, как в «Артеке»? А в Свердловске? В Железноводске?..»

«Не возвращайтесь в те места, где вы когда-то были счастливы…» — шепнул когда-то Паустовский. Не возобновляйте контактов с теми людьми, с которыми вы когда-то были счастливы — это другие люди. Девочка, которой когда-то нежно помогал перебинтовывать руку в пятом классе (травма в походе); школьный друг, с которым строили зимой горку и катались потом «паровозиком» на красном жестяном кругу; приятель из училища, с которым, пуская слюни, ходили в видеосалон на первый в жизни эротический фильм (начало девяностых, «Эммануэль» казалась пределом откровенности и красоты)… Да, я их нашел. Что я могу им сказать о своем детстве, юности и памяти? «Я бы не узнал тебя по фотографии», — пишет друг детства. Он живет в другой стране. И вот мы восторженно кидаемся в виртуальные объятья. «Ну, как ты?» — «А ты?» «Да так. Работа, семья, дела». — «И у меня». — «Да». — «Да». — «Ну ладно, пиши если что». — «И ты — пиши». — «Рад был». — «И я». — «Пока». — «Давай».

Кажется, можно и нужно что-то еще сказать, а — нечего. Время сделало свою работу. Отдалило, разъединило, разобщило. Мы чужие. Мы могли бы еще некоторое время перекидываться репликами на восторженном самоподзаводе. Но оба чувствуем фальшь этого самоподзавода. И вряд ли когданибудь напишем друг другу еще.

Не вспоминать же всерьез, как нас с ним захватили в плен гвардейцы кардинала, завели в шалаш за гаражами, пытались склонить на свою сторону. У нас во дворе были классные ребята, мы играли в игры по прочитанным книгам.

Тогда нам было лет по десять. Мы были очень серьезны в этой игре и, наверное, потому победили; мы оба помним эту победу. Д'Артаньяна и Атоса позвали домой ужинать, а мы держались до конца.

Нас смущает эта былая серьезность. И невозможно сегодня вспомнить ее вслух, потому что мы стали большие и толстые. Вспомнив, мы можем только обсмеять ее, но для этого слишком дорожим своим детством. Больше у нас общих воспоминаний нет. Потом — дыра размером в двадцать с лишним лет и два других человека. О чем обмениваться впечатлениями? О женах, детях, работе, командировках? Полноте. Какие глупые разговоры для десятилетних Портоса и Арамиса. Мушкетеры двадцать лет спустя не знают, что им можно перетереть. Гвардейцы кардинала стали инженерами и банкирами. Двор застроен, гаражи снесены.

«Пиши». — «И ты пиши». — «Вот телефон». — «ОК». Реплики все короче и машинальнее. Мы ничего не добавили к той, прежней жизни. Даже как будто что-то украли из нее.

Мы могли бы не делать этого, оставаясь Портосом и Арамисом. Но сегодня мы отыскали друг друга двадцать лет спустя и оба поняли, что нас больше нет.

16.01.08

Литератор фигов, Рубинский! На языке полно сорняков растёт. Два основных — «как бы» и «вот». Но замечаю их уже после того, как произнесу.

Подумалось тут, что современные мусорные словечки наглядно демонстрируют картину неуверенности и внутренней неустроенности человека в мире. Взять хотя бы заразное «как бы». Разве кто-нибудь станет говорить это слово, имея искреннее уверение в твёрдости собственной мысли? «Я как бы купил машину». «Я к вам как бы очень хорошо отношусь». «Вы как бы директор этого магазина?» Так могут объяс-

няться закоренелые буддисты, для которых весь мир иллюзия и обман. Именно последователи Гаутамы *как бы* покупают в *как бы* магазине *как бы* колбасу (последняя, кстати, и впрямь частенько бывает «как бы»).

Второе слово — младший родственник первого: «типа». Этот сорняк произрастает у молодого поколения. Он также обозначает эфемерность любого высказывания или словесного жеста (Масяня: «Типа спасибо».) Человек перестаёт верить в то, что он сообщает, внутренне боясь любой конкретики и прямоты — ибо прямое высказывание обязывает к ответственности за произнесённое; а какая ответственность может быть у говорящего фразу «Ну, ты же типа мой отец!».

Мы типа друзья. Мы типа родственники. У нас скоро будет типа ребёнок. Мы типа говорим по-русски. Как бы.

И ещё есть один сорняк, который в последнее время страшно распространился. Внешне он выступает чем-то вроде противовеса предыдущим: «на самом деле». В нашей речи, как правило, он служит чем-то вроде взлётной полосы: человек начинает с него фразу, чтобы «разогнаться». По сути же это звучит это страшно коряво. «На самом деле, мы собрались здесь, чтобы поздравить Ивана Петровича» (будто подразумевается, что вообще-то мы собрались здесь, чтобы нахрюкаться до чёртиков, и долго искали благопристойную причину). «На самом деле, Нина Семёновна очень красивая женщина» (но это совсем не очевидно, потому что, судя по этой утешительной фразе, Нина Семёновна на вид мымра мымрой). И так далее.

Если вдуматься в смысл прочих сорняков и конкретизировать этот смысл в контексте разных фраз, мы получим такой же комический эффект. Вот, например, любимое словечко женщин: «слушай». «Слушай, я пошла». Так и вижу мужика, который стоит, навострив слух, и послушно ловит звук удаляющихся шагов. Или — ещё лучше: «Слушай, заткни уши!». Так что именно нужно делать? Сам чёрт ногу сломит.

Один профессор в Литературном институте, где я учился, был и умён, и мудр, и бородат, и велеречив, — один грех: почти после каждого слова произносил «так сказать». Поэтому Достоевский у него, так сказать, был, так сказать, великим, так сказать, русским, так сказать, писателем. Студенты-филологи решили мысленно менять каждый его сорняк на другое словосочетание, классическое — из трёх слов, с окончанием «мать». Было очень смешно. Профессор никак не мог понять, почему его лекции пользуются таким ажиотажем, почему мы, грешные, так возбуждены и бодры, так увлечённо за ним конспектируем, а потом обмениваемся конспектами…

Ведущие всех радиостанций, концертов, шоу стали начинать практически каждую свою речь с «ну что ж». Тупо, и к тому же придаёт высказыванию какую-то фатальную обречённость. «Ну что ж, настал черёд для выхода Иосифа Кобзона» (так и читается «подстрочник»: ну, уж если пришла пора, ладно, а то бы лучше вообще не вылезал).

Как избавиться от этих сорняков? И надо ли? Не знаю, не знаю. Можно и материться разучиться, но всё равно ведь будут ситуации, когда молоток на ногу уронишь — тут сила привычки и скажется. Да и речевые «прорехи» следует чем-то заполнять. Лучше уж этими вялыми невнятностями, чем словами, которые пишут на заборах.

Тревожит только классическая максима на тему, что после жизни с нас спросят за каждое слово. Какими же тоннами пустых пыльных мешков должны придавить нас потом все эти сказанные за жизнь «как бы», «типа» и «ну что ж»?

25.02.08

Если раньше актёры говорили, что заставить человека заплакать — пустяк, а засмеяться — дорогого стоит, то теперь

всё наоборот. Потешаться готовы хоть над узором галстука, хоть над фразой «кушать подано», хоть над показанным пальцем (особенно, конечно, если покажут третий).

В один из приездов в Челябинск Елены Камбуровой к ней за кулисы после концерта просочилась местная молодёжь. Ребята были восхищены и удивлены: такого интересного жанра они ещё никогда не встречали. Однако был задан Камбуровой и несколько обескураживающий вопрос: почему все её песни такие грустные?

— У меня мало грустных песен, — отвечала Камбурова. — В большинстве своём они не грустные, а просто серьёзные.

Это знаковый для нашего времени вопрос и ответ. Люди стали путать серьёзное и грустное. Люди ждут от сцены зрелища и смеха; всё, что не смешно, не может быть в их понятии просто нейтральным. Не весело — значит грустно, середины нет.

С другой стороны, народ готов хихикать над чем угодно, лишь бы не печалиться. На днях я был на замечательном спектакле «Солдатские письма» театра-мастерской «Бабы». Спектакль пронзительный и трагичный, основанный на реальных письмах нынешних солдатиков, посланных родным из «горячих точек». На спектакле сидела в основном молодёжь. Хихикали всё время. Не в качестве защитной реакции, как это бывает у подростков, — хихикали, потому что происходящее на сцене им действительно КАЗАЛОСЬ СМЕШНЫМ. То есть, они настроились на то, что их веселят, хоть убей. И когда одна из героинь спектакля, деревенская женщина, в ужасе причитала, что сын третий месяц не шлёт ей писем из Чечни, этот окающий, крикливый, несвязный причет казался им очень забавным.

Мне это живо напомнило знаменитый эпизод книги «Трое в лодке, не считая собаки», где иностранец исполнял трагичную песню на своём языке, а пара студентов для прикола

уверила зрителей, что это комические куплеты, — и чем печальнее звучала песня, тем больше слушатели покатывались со смеху. Только в случае «Солдатских писем» язык был родной, русский, — а вот сидящие в зале казались какими-то чужаками, иноверцами.

Этот легковесный хохот, святая уверенность, что тебя непременно развлекают, «делают тебе смешно» — отчего они? Как-то лет десять назад остановился я у репертуарного плана нашего драмтеатра — и заметил, что в ассортименте исключительно одни комедии. Время было такое трудное, возразят мне, людей надо было «улыбать», людям было не до Эсхила. Да, соглашусь я; но как же за это время измельчилась роль тех, кто «улыбал». Теперь публика, особенно молодая, с придыханием ждёт одних «гэгов» и бежит любой серьёзности, истовости, сосредоточенности. Серьёзно — это подозрительно, это уже смахивает на грустное. У Окуджавы грустные песни. У Чехова грустные комедии. У Тарковского невероятно грустные фильмы.

Помню, как выскочил на сцену Вячеслав Полунин, привозивший к нам в девяностые своего «Асисяя» — пронзённый пенопластовыми стрелами клоун, который кричал и умирал. Он пошёл в зал под траурную музыку Альбинони, протягивал людям руки, просил ему помочь. Полунин никогда не был «только смешным» клоуном, а здесь его миниатюра оказалась просто страшной. Огромная часть публики со смеху покатывалась. Это было действительно жутко: казалось, если сейчас этот человечек в гриме клоуна будет умирать по-настоящему, все и тут загнутся от хохота: уж больно потешно подыхает, зараза. И только в конце, когда Полунин, не понятый почти никем, возвращался на сцену и «умирал», у зрителей возникало странное чувство: непонимание пополам с раздражением. «Что ж он в конце-то не прикололся?» — спрашивал кто-то в примолкнувшем зале свистящим шёпотом.

20.02.08

У меня есть талантливый ученик, которого суровый папа, начальник милиции, воспитывает в истинно мужском духе «сермяги жизни». Этот папа запретил мальчику ходить в нашу литературную мастерскую и писать стихи. Потому что, по его мнению, совсем не мужское это занятие. Развлечение для кисейных барышень. Сплошное баловство. Жеманство и томность, и не способствует формированию мужественности. А формированию последней способствует исключительно владение хуком справа.

Я бы мог этому папе рассказать, что говорили люди античности: для настоящего мужчины есть только два достойных занятия — а) воевать и б) писать стихи. Или поведать ему о Николае Гумилёве, одном из самых мужественных людей своего времени. Или про Франсуа Вийона. Но я остро понимаю бесполезность подобных разговоров. Поскольку этот человек верит в хук, убедить его в чём-либо можно только хуком. А поскольку он, как уже было сказано выше, не последний чин в милиции, это мне грозит куда более печальной фортуной, чем судьба Франсуа Вийона.

27.02.08

В четыре тридцать утра просыпается дед в квартире надо мной. Он идёт на кухню, наверное, выпить воды, а потом начинает ходить по комнатам. Просто ходит, кругами. Далеко в типовой «хрущёвке» не разбежишься. Старые половицы поскрипывают над моей головой. Звукоизоляция фиговая.

Может, ему просто некуда себя деть. Наверное, он всю свою жизнь проработал на цинковом или металлургическом, вставал в половине пятого утра, а в выходные так же рано выбирался с друзьями на рыбалку. Привык. Теперь старуха померла, дел никаких, бессонница, остаётся ходить в такт с маятником. Не знает, что делать с самим собой.

В пять проезжает первый трамвай. Быстро, бодро отстукивая. Мимо моих окон во тьме мелькает почти уютно освещённый жёлтый салон с зевающим кондуктором. Как ей там зябко и сиротливо. Трамвай ранним утром кажется каким-то особенно живым, одушевлённым, что ли. После него проезжает снегоуборочная. Но она двигается очень медленно, километров восемь в час, поэтому кажется после трамвая почти бесшумной. Расчищает мир от останков прошедшего дня и готовит колею новому.

В пять тридцать просыпается женщина в доме напротив, через дорогу. Когда она кормит младенца, она всегда подходит к окну и вглядывается во тьму. Может быть, ей страшно за ребёнка и за себя. Она заклинает мир сохранить себя, молоко, ребёнка в целости и сохранности. Она как бы говорит миру: смотри, вот они мы — у тебя на ладони. Мы такие маленькие, уязвимые, белые, хрупкие. Не трогай нас. Пощади. Похоже, ребёнок уже наелся и заснул, а она всё стоит и смотрит, в одну точку. А может, я всё выдумываю, и у неё просто муж в ночную смену, она его ждёт. А может, и мужа нет, и она думает, что дальше делать с жизнью.

В пять пятьдесят приходят бомжи — ранний рейд по помойкам. Что у них за традиция с утречка обходить помойки? Видать, следуют пословице — «кто рано встаёт, тому Бог даёт». А может, они просто разучились спать, потому что им негде?.. Сегодня с ними ребёнок лет двенадцати, девочка-оборвыш. Видно, как ей холодно в слишком просторном, не по размеру, пальто. Бомжи роются в контейнерах, а к девочке подбежала собака. Они беседуют. Дальше бомжи идут в следующий двор, девочка за ними, а собака за девочкой. Один из бомжей поворачивается и отгоняет собаку. Собака прячется за девочку. Тогда девочка отстаёт от компании бомжей и идёт с собакой. Последний раз мелькает собачий рыжий хвост в пятне от фонаря — их скрывает ночная темень.

В шесть выходит дворник. Ранняя пташка. Начинает говорить его лопата, бодренько шкрябая по асфальту. От самого этого звука пахнет зимой, морозцем, смутным январским утром. Дворник лучше будильника. Как-то естественнее, природнее. И пробуждает не только вас, но и вашу совесть: мол, дрыхнете, а кто-то уже работает за зарплату в две тысячи деревянных. Вам не стыдно?

Но город спит. И на фоне этих болезненных, насущных, одиноких, неумелых пробуждений ещё более очевидно, как глубок сон всех остальных.

Люблю это время — время абсолютного сна. Даже вода перестаёт капать из крана. Даже холодильник перестаёт фырчать. Часы перед наступлением утра — самые нежные, самые беззащитные. Говорят, лучшее время для преступников, для их незаметных тёмных дел. Потому что почти все в городе спят — раскинув руки, раскрыв рты, улыбаясь во сне, скомкав пододеяльники, глубоко и сладко дыша, неосознанно доверяя миру. «Совы» уже легли, «жаворонки» ещё не вставали. Только самые верхушки крыш чувствуют близость утра. Только синицы вздрагивают перьями во сне. Но все спят. Раннее утро зимой — такое колкое, мутное время. Именно сейчас больше всего чувствуешь и ценишь тепло кровати, руку и дыхание любимой рядом. Именно сейчас. Через полчаса, час, полтора начнётся пробуждение.

Когда мой город становится самым доверчивым, самым детским, самым искренним?

В это самое время. На грани ночи и утра.

...В начале седьмого где-то в Курчатовском просыпается маленький мальчик. Скоро его должны разбудить родители, чтобы вести по заснеженнным дворам в детский сад. Но сейчас родители ещё спят. Мальчик садится на кровати и вглядывается в ветки за окном. Пейзаж неподвижен, только с неба иногда срывается пара снежинок. Мальчику начинает

казаться, что он проснулся не зря. Что наступила его смена охранять этот слабый, доверчивый, наивный мир. Что городу будет безопаснее спать, если мальчик бодрствует. Это странное, но прочное ощущение.

Может быть, думают о том же и женщина с младенцем у окна, и оборванная девочка с собакой во дворе, и мой неугомонный старик этажом выше.

И я сам.

Может, все мы бодрствуем, точно оберегая других, сторожа их сны. Любуемся затихшим городом, как любуются спящими детьми строгие родители.

Спите, никто не даст вас в обиду. У вас ещё целый час до утра.

Константин Сергеевич Рубинский

Дневник колумниста

Автор идеи: *А.Е. Попов.*

Верстка *В.Б. Феркель.*

Сдано в набор 11.05.11.08 г. Подписано в печать 23.05.08 г.
Гарнитура Петербург. Бумага офсетная.
Формат 84×108/32. Объем 7,25 усл.-печ. л.

Заказ № 83.
Тираж 500 экз.

Издательство «Цицеро»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии
ООО «Тираж Сервис»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.